

СТАТИИ / СТАТЬИ / ARTICLES

Вадим Крысько (Москва, Россия)

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЙ КАНОН ПЕРВОУЧИТЕЛЮ КИРИЛЛУ:
ИСТОЧНИКИ И РЕКОНСТРУКЦИЯ (ПЕСНЬ ШЕСТАЯ)*

Исследования, проводимые нами в последние годы (Крысько 2005; 2007а; 2008; 2009а; 2009б; 2010), показывают, что тропари древнейшего славянского канона в честь Кирилла Философа, имеющие непосредственные текстуальные параллели в опубликованных греческих минеях, в метрическом отношении следуют византийским стихометрическим и мелодическим образцам – ирмосам; существенная близость к ирмосам наблюдается и в песнопениях, источники которых не обнаружены. Ориентация славянского текста на греческие образцы, явственная на всех уровнях – от метрического до лексического и синтаксического, позволяет не только реконструировать исходный облик славянских тропарей (нередко подвергавшихся сильным искажениям в процессе бытования текста), но и восстановить их гипотетические греческие оригиналы.

Шестая песнь кирилловского канона, согласно большинству списков, написана на ирмос *Прндъ / Прндохъ*¹ въ глѣвннзи (Ἦλθον εἰς τὰ βάθη ΕΕ: 96); в то же время древнейший список *Ил* и шесть списков XV–XVII вв., восходящих к одному протографу (*НБКМ902*, *НБКМ140*, *Л*, *НБКМ141*, *Вар*, *Поч*)², демонстрируют другой ирмос – *Пожрѣ тн съ гласомъ* (Θύσω σοι μετὰ φωνῆς ΕΕ: 94)³. Первичность одного из двух основных стихометрических образцов для отдельных тропарей песни мы попытаемся выяснить путем реконструкции греческих оригиналов этих песнопений.

* Статья написана в рамках проекта „Кирилл и Мефодий в славянской гимнографии“, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (№ 08-04-00401а). Исследование de visu ряда южнославянских списков службы Кириллу, хранящихся в Софии, стало возможным благодаря соглашению о сотрудничестве между Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН и Кирилло-Мефодиевским научным центром БАН.

¹ Форма простого аориста очевидно первична.

² Далее наличие одинаковых чтений в этих шести списках сигнализируется указанием на древнейший из них (*НБКМ902* и др.).

³ В одном списке – *Хл152* – указан ирмос *Ѡже прѣка ѡна* (Ὁς Ἰωνᾶν τὸν προφῆτην ΕΕ: 103), который, однако, не подходит ни к одному из тропарей, так как даже поверхностного сравнения колонной структуры любого из них с этим ирмосом достаточно, чтобы убедиться в

Древнейший список богородичного тропаря, представленный в *Ил*, 129v–130r, демонстрирует синтаксически стройный и семантически вполне прозрачный текст, что, конечно, не в последнюю очередь обусловлено ясными ассоциациями с *Иез* 44:1–2⁴:

Незекнлз та врата вндѣ • нмнже про|ндѣ едннз бз̄ • нз ложеснз стъихъ |
твонхъ • н прошьдз плзтню прча • || неѡврстз нхъ оставнлз ксть.

Относительно немногочисленные разночтения в славянской традиции в основном легко объяснимы позднейшими лексическими и синтаксическими заменами. Так, в ряде списков конца XIII–XVII вв. (*НБКМ895*, *Хл152*, *Хл164*, *НБКМ902* и др., *Ц*, *Пог*) на месте врата фигурирует синоним дверь (прямо соотносящийся по роду с Богородицей), что определяет замену относительного местоимения нмнже на еюже. Эта замена, однако, произведена далеко не во всех списках (ср. уже *НБКМ895*: дверь... нмнже), что бесспорно свидетельствует о ее вторичности⁵; еще менее последовательно изменение проведено в заключительной синтагме, где большинство перечисленных списков в соответствии с первичным врата, однако в разительном противоречии со вторичным дверь сохраняют исконное мн.ч. у отпричастного прилагательного неѡврстз и местоимения нхъ и лишь четыре списка – *Хл152*, *Хл164*, *НБКМ140*, *Ц* – согласовывают дверь с вин. падежом ед.ч. прилагательного (-тѡ), тогда как согласование местоимения осуществлено вообще только в одном списке *Ц* (ю).

Явно вторична и ошибочна замена аориста вндѣ причастием вндѣвз, зафиксированная в девяти списках XIII–XVII вв. (*Пан*, *Хл152*, *Пог*, *НБКМ902* и др.) и приводящая к тому, что подлежащее Незекнлз остается без сказуемого. Обесмысливает текст пропуск полупредикатива прошьдз, отмеченный в списках *Др*, *Пал*, *Ц*, *Пог*, *НБКМ902* и др. Исконное генитивное управление при оставити, обусловленное тем, что приставка *ot- первоначально корреспондировала с род. падежом зависимого имени, в нескольких списках вытеснено аккузативом, весьма рано утвердившимся при данном семантически переходном глаголе; о том, что и эта замена носит вторичный характер, вновь свидетельствует ее непоследовательность: так, в *Гр*, *Пал*, *НБКМ902* и др. после формы вин. падежа мн.ч. сред. рода неѡврста (и даже ед.ч. жен. рода

его чрезмерной краткости, – в нем не хватает колонов, чтобы уместить славянский текст (см. количество слогов в третьем столбце):

1 Ὡς Ἰωάν τὸν προφῆτην	8	Незекнлз та врата вндѣ	Сзньмз мьртвнтьса
2 ἐλυτράσω τοῦ κήτους, Χριστὲ ὁ Θεός,	12	нмнже прондѣ едннз бз̄	прнложьса агарннхъ ѡко змннѡ
3 κάμῃ τοῦ βυθοῦ τῶν πταισμάτων ἀνάγαγε	13	нз ложеснз стъихъ твонхъ н прошьдз	жнвоуцннхъ тн вѡ прнтъчѡхъ трнсзльчнѡ
4 καὶ σῶσόν με, φιλάνθρωπε.	8	плзтню прча неѡврстз нхъ оставнлз ксть.	н едннго божьства сллоу оубо нзнемагала.

⁴ Знак | означает конец строки, || – конец страницы. В косые черты /\ помещаются слова, вынесенные в рукописи над строкой.

⁵ Очевидное искажение первоначального чтения имеет место в *Пал* нмье, *Пог* нмье – с изолированной формой ед.ч. на месте нмнже.

-тѣ) сохраняется изначальный род, падеж нхъ, а аккузатив ѡ появляется всего лишь в двух списках – *НБКМ895* и *Хл166*.

Опираясь на непротиворечивые показания древнейших славянских списков, мы можем восстановить византийское песнопение в облике, безукоризненно соответствующем всем метрическим требованиям ирмоса Ἦλθον εἰς τὰ βάθη, ср.⁶:

1 *Ἰεζεκιήλ σε πύλην εἶδεν,	Ἦλθον εἰς τὰ βάθη τῆς θαλάσσης,
2 δι' ἧς προῆλθεν μόνος	καὶ κατεπόντισέ με
3 ὁ θεὸς ἐκ μήτρας σου ἀγίας	καταιγὶς πολλῶν ἀμαρτημάτων,
4 καὶ προηλθὼν /διηλθὼν/	ἀλλ' ὡς Θεὸς
5 ἐν σαρκί, πανάχραντε,	ἐκ φθορᾶς ἀνάγαγε
6 ἀπαράνοικτον κατέλιπεν.	τὴν ζωὴν μου, πολυέλεε.

Реконструированный тропарь обнаруживает как тематическое, так и лексическое сходство с реально дошедшими до нас греческими песнопениями, ср.⁷: Ἰεζεκιήλ σε πύλην βλέπει κεκλεισμένην, Παρθένε, δι' ἧς διώδευσεν Ἰησοῦς ὁ σκηνώσας ἐν μήτρᾳ σου καὶ σάρκα ἐκ τῶν σῶν αἱμάτων φορέσας ἀσυγχύτως (MR II: 713) – Иезекиль тѣ двѣрь видѣтъ • затвореноу дѣво • нмнже⁸ проиде нечръ • възселннса посредѣ⁹ тебе • н плзть отъ твоихъ || крѣвнн понесъшадо [вм. понесъин] несымѣшенно (MD V: 263v–264r); Кекλεισμένην σε πύλην προεἶδε ποτὲ ὁ Ἰεζεκιήλ, δι' ἧς διῆλθεν ὁ ἀχώρητος παντὶ καὶ ἐξῆλθε φυλάξας τὴν μήτραν σου ἄχραντον (AHG IV: 644) 'Иезекииль провидел тебя некогда [как] запертую дверь (врата), через которую прошел Непостижимый во всем и вышел, сохранив утробу твою нетронутой'; Πύλην ἀδιόδευτον ὁ Προφήτης... τὴν Ἁγίαν Παρθένον ἐκάλεσε, δι' αὐτῆς διῆλθεν ὁ Κύριος, ἐξ αὐτῆς προῆλθεν ὁ Ὑψιστος, καὶ πάλιν ἐσφραγισμένην κατέλιπε (MR I: 96) 'Вратами непроходимыми пророк святую Деву назвал, через них прошел Господь, из них вышел Всевышний и вновь запечатленными оставил'; Χαῖρε, πύλη τῶν οὐρανῶν, δι' ἧς διῆλθεν ἀρρήτω λόγῳ βασιλεὺς ὁ ἐπουράνιος καὶ τηρήσας ἄμωμον ἐσφραγισμένην πάλιν κατέλιπεν (AHG IV: 727) 'Радуйся, дверь небесная, через которую прошел неизреченным словом Царь Небесный и, сохранив беспорочной, запечатленной вновь оставил'; Ἡ πύλη Θεοῦ ἡ κεκλεισμένη, ἦν μόνος διώδευσεν ὁ Κύριος (PG 105: 1364) 'Врата Божьи запертые, которыми один прошел Господь' и т.п. Встречается в гимнографии и уподобление Бо-

⁶ Здесь и далее реконструируемые чтения снабжены астериском *, маловероятные реконструкции – двумя звездочками **, в реконструируемых текстах косые черты // означают возможные варианты, дефисы – недостающие слоги, круглые скобки – факультативные слова и части слов. Границы колонов обозначаются знаком *.

⁷ Текстовый поиск в греческих обиходных Минеях осуществлялся по файлам, помещенным на сайте <<http://analogion.net/glt>>, с последующей сверкой по MR, поиск в AHG и других гимнографических текстах – по TLG; текстовый поиск в восточнославянских служебных минеях XI–XIV вв., не имеющих печатных словоуказателей, производился по сайту <<http://manuscripts.ru>>. Примеры из греческих авторов, не сопровождаемые указанием на издание, цитируются по TLG.

⁸ Не просто „ошибка“ (MD IV: 397), а явный реликт согласования с первоначальной формой *врата, замененной на двѣрь.

⁹ Перевод, по всей вероятности, восходит к греческому разночтению *ἐν μέσῳ.

городицы „неотверстым вратам“: ταύτην προσανεφώνησεν Ἰεζεκιήλ πύλην τὴν ἀπαράνοικτον (АНГ IV: 730) ‘ее провозгласил Иезекииль неотверстыми вратами’; ἀνοίγει θύραν ἢ ἀπαράνοικτος πύλη, ἣν Χριστὸς μόνος διώδευσεν (Роман Сладкопеев) ‘отворяют вход неотверстые врата, которыми один Христос прошел’.

Приведенные параллели подтверждают высокую вероятность реконструкции, основывающейся на славянском переводе. В то же время восстановленный нами греческий текст, полностью вписывающийся в структуру ирмоса Ἰησοῦν εἰς τὰ βάθη, дает возможность оценить с точки зрения первоначальности или вторичности ряд чтений, наблюдаемых в текстуальной истории славянского богородична. В частности, последовательность *Ἰεζεκιήλ σε позволяет считать вторичным обратное расположение слов, зарегистрированное в *Ск*: необычная для славянского постановка энклитического *Та* в начале песнопения допустима, в принципе, лишь как отражение порядка слов в греческом оригинале. Параллелизм *Ἰ. σε πύλην εἶδεν – Н. та врата вндѣ доказывает неисконность оборотов врата та вндѣ (*Гр, Пан, Хл166, НБКМ895, Хл152, НБКМ902 и др.*) и вндѣ врата (*Ск, Хл164*). Греческий текст не оставляет сомнений во вторичности уникального чтения *Гр* – эпитета вышннн (бѣ) – и синонимической замены бѣ на гѣ в списках *Др, Пал, Ц*. Реконструкция *σου дает основания „дисквалифицировать“ свидетельства ряда списков (*Др, Пал, Хл152, Ц, Пог*), в которых посессивное определение к ложеснѣ отсутствует. Столь же вторичен пропуск союза н (= *καί) между однородными сказуемыми, относящимися к бѣ, в списках *Гр, Др, Пал* и др. Неисконна вставка союза н после обращения к Богородице в *Гр* и *Хл166*, вследствие чего синтаксически и логически стройная структура „прошел и, пройдя, оставил“ превращается в сомнительное „прошел, пройдя, и оставил“. Уникальный вариант *Ск* – затворена (s. l. врата) – мог бы быть возведен к *κεκλεισμένην, однако этому препятствует стихометрия тропаря. Наконец, на фоне, с одной стороны, гипотетического греческого оригинала (*κατέλιπεν) и сходных с ним контекстов (см. выше примеры из MR I: 96 и АНГ IV: 727), с другой стороны – разнообразия вариантов в славянских списках¹⁰ (нхъ оставнлѣ есть *Ил, Т98* / оставнлѣ есть нхъ *С, В, Гр* / оставнлѣ нхъ [на *НБКМ895, Хл166*, ю *Ц*] есть *Т105, Пан, Пал, Пог, НБКМ902 и др.* / оставнлѣ есть *Т104, Др, Ск, Хл152, Хл164*) последнее чтение, зафиксированное в древнерусском списке XII в. и южнославянских XIII–XIV вв., кажется правомерным рассматривать как реликт исконного состояния, а именно – неповторения относительного местоимения, употребленного в начале придаточного предложения (нмнже).

С помощью греческого, однако, нельзя решить вопрос о первоначальной форме имени: в то время как *Ил*, а также *Поч* (-кѣнлѣ) говорят в пользу твердой основы *Незекнлѣ* (по типу *мнханлѣ* и т.п.), подавляющее большинство списков начиная с XII в. содержит закрепившуюся в итоге форму с мягкой основой -ль. По нашему мнению, данные архаичной по языку Ильиной книги,

¹⁰ Если при цитате указано несколько источников, это означает, что она приведена по древнейшему списку (первому из перечисленных), а в других списках представлены аналогичные написания (без учета графико-орфографических отличий).

демонстрирующей такие формы, как *незекнла* (род.п.), *нздранлз*, *гаврнлз*, *даннлз*, позволяют реконструировать для исходного текста твердую основу, причем с передачей греч. -ιή- не как удвоенного нн (грецизированное чтение *Гр* и *Var*), а как н (ср. Diels 1932: 18; Вайан 1952: 69).

Оставшиеся варианты целесообразно проанализировать с точки зрения стихометрии славянского тропаря и его изосиллабизма с греческим образцом. Так, посессивное определение *к ложеснз* в списках *НБКМ902* и др. выступает в виде энклитики *тн*, примыкающей к существительному, что как будто прямо соответствует греч. *μήτρας σου. Однако если в греческом такая форма местоименного определения является единственно возможной, в славянском σου регулярно передается как личным, так и притяжательным местоимением. Исходя из количества слогов, требуемого ирмосом для 3-го колона, – 10, – мы можем заключить, что изосиллабизм в строке обеспечивается тем чтением, которое представлено в большинстве списков, – *нз ложеснз сватзхз твонхз* (при этом нестяженная форма *сватзхнхз*, отмеченная в списках *С*, *НБКМ140*, *Ц*, оказывается избыточно длинной); финальная словоформа *твонхз* к тому же гомотонична форме *ἀγίας в оригинале. Те же соображения заставляют признать первичной членную (определенную) форму *пръчнстѣа*, фигурирующую в большинстве списков начиная с XII в. (*Т104*, *В*, *Т98*, *Гр*, *Т105* и мн.др.), ср. пятые колонны в тропаре и в ирмосе: *пльтнѣ пръчнстѣа – ἐκ φθορᾶς ἀνάγαγε, с вероятной гомотонией последних форм (см. Дыбо 1981: 23; Зализняк 1985: 133, 291); заметим, что именно фактор гомотонии, по-видимому, играл роль при переводе *πανάχραντε посредством *пръчнстѣа*, а не с помощью именной формы *пръчнста* (см. Крысько 2010: 137–138)¹¹.

Стихометрический критерий побуждает поставить под сомнение и инвариантное чтение, не знающее отклонений ни в одном из списков, – форму перфекта *оставнлз кеть*. На фоне девятисложного 6-го колона в ирмосе (τὴν ζωὴν μου, πολυέλεε) строка *неотврѣстз¹² *оставнлз кеть* (10 слогов) несколько нарушает изосиллабизм. Этим нарушением, однако, можно пренебречь именно в силу чрезвычайной устойчивости формы и ее семантико-грамматической оправданности: перфект, который описывает действие в прошлом, сохраняющее неизменную актуальность, в данном контексте вполне уместен. Кроме того, на фоне десяти слогов в некоторых тропарях, выпеваемых на ирмос ³Нλθον (например, τὸν ζυγὸν τὸν τῆς δουλείας ἡμῶν MR III: 309), отличие заключительного колона от греческих образцов ограничивается уже только несовпадением финальных ударений.

В итоге мы получаем следующий реконструированный текст богородична¹³:

¹¹ Прилагательное *чистъ* относилось к баритонированной акцентной парадигме с неподвижным ударением на *и* (Зализняк 1985: 133, 291).

¹² Об исконности безъеровой приставки *от-* в глаголе *отврѣстн* см. уже статью В. Шульце 1921 г. (Schulze 1966: 631–634); П. Дильс подчеркивает, что „die Schreibung *отврѣстн*... nach ihrer allgemeinen Verbreitung zu urteilen, sehr wohl die der Slavenapostel gewesen sein kann“ (Diels 1932: 88).

¹³ В третьем столбце перед косой чертой указано количество слогов в славянском колоне, после черты – количество слогов, допускаемое в различных греческих тропарях, написанных на данный ирмос.

1 *Незекнлз та врата видѣ	10/10	*Ἰεζεκιήλ σε πύλην εἶδεν,
2 нмнже пронде єдннз богз	11/7	δι' ἧς προῆλθεν μόνος
3 нз ложенз сватѣхъ твонхъ	10/10	ὁ θεὸς ἐκ μήτρας σου ἁγίας
4 н прошьдз	4/4	καὶ προηλθὼν /διηλθὼν/
5 плзтнѣ прѣчнстаѣ	7/7	ἐν σαρκί, πανάχραντε,
6 неотврѣтъ оставнлз єсть	10/9–10	ἀπαράνοικτον κατέλιπεν

– т.е. ‘Иезекииль увидел тебя как врата, которыми прошел один Бог из утробы святой твоей и, пройдя плотью, пречистая, неотверстыми оставил’. Существенное отличие от греческого образца по числу слогов наблюдается только во 2-м колоне. Эта стихометрическая неточность является, на наш взгляд, отражением переводного характера тропаря и обусловлена лексической точностью перевода – полное единство всех списков в передаче эпитета *єдннз* позволяет утверждать, что определение присутствовало и в протографе славянского текста, автор которого не решился опустить при переводе метрически излишнюю, но богословски важную лексему греческого оригинала.

Первый тропарь в том виде, какой засвидетельствован самой ранней сохранившей его рукописью – *C* (из всех списков он не представлен лишь в *Ил*), производит впечатление бессмысленного набора слов:

Сънмъ мъртвѣтса приложь|са • агарнѣхъ ѿко змна • жн|воцннхъ тн въ
прнтѣчахъ • || трнѣзльчнѣн н єдннго божѣтва | снлою оубо нзнемагѣѣ (*C*,
108г–v).

Если буквально следовать грамматике, то текст этот допускает только следующую интерпретацию: ‘Сонм умерщвляется, присоединившийся к агарянам, как змея, живущим в твоих притчах, ибо изнемогает силой трисолнечного и единого Божества’. Столь же малоосмысленные переводы без каких бы то ни было оговорок даны в „историко-критическом издании“ февральской минеи (MF II: 341)¹⁴ и в научно-популярном издании сочинений Климента Охридского (Клим.: 565)¹⁵; различия между ними сводятся к трактовке сравнения *ѿко змна*: в боннском издании сонм „как змея присоединился“, а в софийском – „погибнет как змея“; кроме того, согласно немецкой версии, основывающейся на списке *C*, „в притчах живут“ агаряне, тогда как согласно болгарской, опирающейся на список *Гр*, – змея.

Первую конъектуру к загадочному тексту предложил первый издатель службы Кириллу В. И. Григорович (1815–1876) – он предложил заменить чтение *жнвѣцн*, фигурирующее в открытом им списке *Гр* (в соответствии с *жнвоцннхъ* списка *C*) и согласованное с *змна*, на муж. род *жнвѣн*, согласованный с *Сънемъ*: „Мне кажется, должно быть: *сънемъ ѿко змна жнвѣн*“ (Григорович 1865: 259); это исправление, однако, не находит подтверждения ни в одном из 24 списков памятника, обнаруженных за последние 150 лет; кроме того, „сонм, живущий в притчах“, вряд ли лучше „змеи, живущей в притчах“. А. В. Горский (1812–1875), разделяющий с Григоровичем славу первооткры-

¹⁴ „Die Synagoge, die sich wie eine Schlange den Hagarenern angeschlossen hat, die in deinen Gleichnissen leben, geht zugrunde...“ (‘Сонм, который, как змея, присоединился к агарянам, живущим в твоих притчах, гибнет’).

¹⁵ „Сборището, което се сбра с агаряните, ще погине като змея, що живее в притчите...“.

вателя кирилловской службы и первым издавший текст по восточнославянскому списку (С), сопроводил форму *живущихъ* вопросительным знаком, а в своем переводе – первом переводе ряда песнопений службы – вообще отказался от этой формы: „Сонм, приложившийся к агарянам, как змия, мертвеет от твоих притчей, приводимый в изнеможение силою трисолнечного и единого Божества“ (Горский 1865: 276); следует заметить, однако, что предложно-падежная форма *въ* + мест. пад. (*въ притъчахъ*) едва ли способна выступать в качестве обстоятельства причины („от притч“) – разве что как калька греческого *ἐν* + дат. пад. в значении ‘посредством (чего-л.)’. Тем самым мы не можем присоединиться к оценке П. С. Казанского (1819–1878), заявившего, что „смысл этого тропаря достаточно объяснен в статье“ Горского (Казанский 1865: 304). А. Д. Воронов (1839–1883) в пионерской, далеко опередившей свой век работе „Главнейшие источники для истории свв. Кирилла и Мефодия“, справедливо охарактеризовав анализируемый тропарь как „один из самых темных“ и отметив, что он „не вполне удовлетворительно объяснен у Горского“, проницательно заключил, что текст „правильное объяснение может получить не иначе как из предположения греческих влияний и греческой редакции канона“ (Воронов 1877: 161); тем не менее реконструкции греческого оригинала¹⁶ и попытки интерпретации, предложенные киевским исследователем, остались вполне умозрительными: текстуальная история канона не подтверждает восстановленной им (на месте реальных разночтений *жнвѣщннхъ*, *жнвѣщн*, *зѣвѣщнхъ*) странной формы *зимущи* (якобы перевода нигде не зафиксированного причастия *χειμοῦσα* ‘мерзнущая’), а перевод: „Сонм, приложившийся к агарянам, умерщвляется как змея окоченелая от холода... по пословице (*κατὰ τὴν παροιμίαν* – в слав. *въ притчахъ*)...“ – несостоятелен не только из-за неудачной эмендации *зимущи*, но и из-за приписывания форме *въ* + мест. пад. еще одного невероятного для нее значения – ‘по’, ‘в соответствии’, нормального для сочетаний с *κατὰ*, но аномального для конструкций с *въ*.

К сожалению, многочисленные разночтения, вносившиеся в текст переписчиками на протяжении восьмисот лет, очень мало приближают нас к разгадке. Ни „агаряне, живущие в притчах“ (версия С, Т104, Т98, Т105, Z, НБКМ895, Хл166, Пог), ни „змея, живущая в притчах“ (версия В, Гр, Хл164, Ск, Р: *яко змѣна жнвоуци*) не дают удовлетворительного смысла; еще менее осмысленны „агаряне, зовущие в притчах“ (Др, Пал, Ц *зѣвѣщнхъ*). Не решает проблемы и переселение агарян или змеи из „притч“ в более подходящее место обитания – „окрест“ (Пан, НБКМ902, НБКМ140, НБКМ141, Вар, Поч *жнвоуцихъ окръть*; Л *жнвоуци окръть*), в то время как при обстоятельстве „в притчах“ домысливается глагол *проповѣдати* в форме аориста (НБКМ902, НБКМ140, НБКМ141, Вар *проповѣда*) или ни с чем не соотносящегося причастия (Пан *проповѣдае*, Л -ла, Поч -авъ).

Практически во всех списках остается неясным, что за „сонм“ (Др, Z *Съборъ*) „приложился к агарянам“. А. В. Горский (1865: 276) полагал, что имеются в

¹⁶ Συνέδριον νεκρῶται προσθὲν τοῖς Ἀγαρηνοῖς... χεῖμοῦσα... κατὰ τὴν παροιμίαν... οὐ δυνατῶν.

виду хазары, которые „были увлекаемы с одной стороны магометанами, а с другой евреями к своей вере“ (см. ЖК VIII – Лавр.: 11). Ссылаясь на Житие Константина, ученый указал, что „один из хазар действительно предлагал ему [Константину] вопрос о почитании Св. Троицы, и Кирилл отвечал ему притчею, на что и намекается в приведенном тропаре“. Однако в Житии Константина „моужь лоукавь и заскопивъ“, посланный хазарами „противоу“ святого, не задавал ему никаких вопросов относительно Троицы (ЖК IX – Лавр.: 13); краткая дискуссия о Св. Троице возникла у Философа с самим каганом, который, в присутствии иудеев, выражал скорее не мусульманскую, а иудейскую точку зрения: „въси равно глаголемъ, о семь токмо различіе дрѣжимъ. Вы бо троицоу славите, а мы бога единого, оулоучьше книги“ (Лавр.: 14). Каким образом один иудаизированный хазарин, хотя и каган, превратился в „сонм“ хазар, примкнувших к магометанам, да еще и уничтоженных притчею Кирилла, – неизвестно. Представляется, напротив, несомненным, что в разбираемом тропаре речь идет о диспуте Константина с мусульманами, состоявшемся после того, как „Агаряни, нарицаемїи Срацини, въздвигоша хоулоу на едино божество сватыа троица, глаголюще послете моужа, иже можетъ глаголати о семь и препрѣти ны“. Разъяснения Константина, сославшегося, в частности, и на слова Магомета (Коран, сура 19:17 – Сказания 1981: 113), оказались сокрушительными: оппоненты-агаряне – „оумнаа чадь и книжна“ – были „поражени“ его „словесы“ (ЖК VI – Лавр.: 7–9). Следовательно, „сонм“, упоминаемый в тропаре, по смыслу должен рассматриваться не как „приложившийся к агарянам“, а как собственно „агарянский“.

Единственный список, относительно близкий к такому пониманию, – среднеболгарская рукопись *Хл 152*, в которой читаем следующее: *Сномъ мртвнѣса • прѣложнтнса агарннъ • яко змна • живѣжцимн твоимн притчѣмн*¹⁷. Абстрагировавшись от индивидуального искажения – инфинитива *прѣложнтнса*, который нарушает синтаксис фразы и противостоит единодушному показанию ранних списков, демонстрирующих причастие *прѣложьса*, мы получаем более приемлемый смысл, нежели во всех остальных списках: „сонм“ умерщвляется притчами Кирилла (ср. перевод Горского), причем форма род. пад. *агарннъ*, необычная как актант при глаголе *прѣложнтнса*, допускает соотнесение с „сонмом“.

Последнее предположение подтверждается при обращении к греческому тексту, послужившему, как мы ранее попытались доказать (Крысько 2005: 45–46), источником парафразирования в кирилловском каноне, – третьему тропарю шестой песни канона Павлу Исповеднику, написанной на ирмос $\tilde{\eta}\lambda\theta\omicron\nu\ \epsilon\iota\varsigma\ \tau\alpha\ \beta\acute{\alpha}\theta\eta$:

*Νεκροῦται, συρόμενον ὡς ὄφις, τοῖς ζωτικαῖς σου λόγοις προσβαλὸν αἰρέσεων τὸ στίφος*¹⁸ (MR II: 58) ‘Умерщвляется, пресмыкаясь как змея, на живительные твои слова натолкнувшийся полк ересей’, ср. не вполне точный перевод в ноябрьской Минее 1097 г., где греческий

¹⁷ В публикации Ангелов 1967: 14 этот пассаж приведен, как и весь текст кирилловской службы, с отклонениями от рукописи.

¹⁸ В издании *στίφος*, здесь и далее исправлено по словарям, ср.: „*Στίφος* mit kurzem í... schlechte Schreibung“ (Pape: 944).

датов объекта при προσβαλόν переосмыслен как форма инструмента при первом глаголе¹⁹: Ουμρѣтн^{ca} [Tr492, 60–61: Ουμρѣтн^{ca}] прѣсмзклемзйн змнн • жнвоносънзймн [вар. XII в.: жнвотънзймн; Tr492, 61г: жнвотнымн тн] словесзы • приложнса ересъскзын плзкзъ (Яг.: 309, 507)²⁰.

Сравнение с греческим источником позволяет заключить, что в парафразе сохранена почти вся лексика исходного текста, за исключением причастия σурόμενον, устраненного, вероятно, из метрических соображений, ср.: Некроῦται – мъртвѣтса, ὡς ὄφης – ѡко змнѡ, ζωτικοῖς – жнвоуциннхъ, σου – тн, προσβαλόν – приложнса, στίφος – сѣньмъ; две лексемы заменены более конкретными: на месте несогласованного определения αἱρέσεων выступают реальные оппоненты Константина – „агаряне“, на месте абстрактных „слов“ – притчи, излюбленная Кириллом форма проповеди и дискуссии.

Восстанавливая исконный облик греческого тропаря в честь Кирилла в соответствии с порядком слов славянского перевода, мы можем констатировать, что в этом гипотетическом тексте подлежащее, в источнике замыкавшее синтагму, перемещено в самое начало предложения. При ориентации на акrostих, реконструируемый в греческой версии канона (Темчин 2007а: 335–336; Крысько 2009б: 20), начальной буквой этого подлежащего должна быть, скорее всего, Т: поскольку предыдущий тропарь (богородичен пятой песни) начинается с буквы Σ, завершающей акrostишную форму Βασίλειος (имя автора канона), тогда как следующий тропарь – 2-й тропарь шестой песни – начинается с Ω, а 3-й тропарь той же песни открывает форму дат. пад. адресата Φιλόσοφω, кажется очевидным, что первые буквы 1-го и 2-го тропарей шестой песни образовывали форму артикля к существительному Φιλόσοφω – а именно τῷ. Это обстоятельство заставляет отвергнуть в качестве возможной параллели к сѣньмъ наиболее частотное соответствие – σύστημα²¹ – и постулировать сохранение в кирилловском тропаре той же формы подлежащего, которая фигурирует и в тексте-источнике, – τὸ στίφος. Со стихометрической точки зрения это сочетание артикля с существительным вписывается как в рамки ирмоса Ἦλθον εἰς τὰ βάθη τῆς θαλάσσης, так и в рамки ирмоса Θύσω σοι – многие тропари, написанные и на тот, и на другой ирмос, допускают в 1-м колоне ударение на втором слоге, ср.: Ἰδρώτων σου ρεύμασι συμμείξας; Ἀγάλλου, Μηνᾶ· ἡ ἐκκλησία (АНГ III: 305); Ἐστέρει φωτός, ἀλλὰ τὸ κρείττον (АНГ III: 324) – Ὡς ὄρη (MR III: 228), Ζηλώσας (АНГ XII: 268); напомним также, что приведенные выше тропари с одинаковым зачалом Некροῦται (MR II: 58; IV: 70) относятся к разным ирмосам.

¹⁹ Цитаты из осенних миней даются с оригинальной пунктуацией в соответствии с наборным текстом на сайте <<http://manuscripts.ru>>.

²⁰ Ср. также сходные контексты в 6-й песни канона патриарху Софронию (11 марта), написанной на ирмос Θύσω σοι: Некροῦται τῇ ζωτικῇ ῥομφαίᾳ τῆς γλώττης σου τὸ τῶν αἱρέσεων στίφος (MR IV: 70) – Ουμρѣтнѣтса жнвотънзймъ ороужнѣмъ • ѡззыка твоего керетнчъскъихъ [вм. керетнчъскзын] сѣставъ (Т106, 38г; цитату любезно выписала для нас А. И. Краева), и во 2-й песни канона Иоанну Психаиту (25 мая): Νενίκηται προσβαλόν σοι τὸ στίφος αἱρετιζόντων, σοφέ (АНГ IX: 271) ‘Побежден, столкнувшись с тобой, сонм еретичествующих, мудрый’.

²¹ В осенних минеях, изданных В. Ягичем, лексема сѣньмъ соответствует греч. σύστημα семь раз (Яг.: 09, 0100, 0195, 201, 204, 209, 309); по одному разу встречаются параллели сѣньмъ – δῆμος (163) и сѣньмъ – φάλαγγα (158).

Правда, нельзя не признать, что *сънѣмъ* отнюдь не является обычным переводом для существительного *στῆφος*, которое в гимнографических текстах чаще всего передается словами *пѣлкъ* и *тѣла*, а также *сѣставъ* и *чннъ* (WD: 344)²²; более того – среди известных нам параллелей к *сънѣмъ* слово *στῆφος* не отмечено ни разу. И тем не менее фактор акростиха представляется более важным аргументом в пользу реконструкции *Тὸ στῆφος, воспроизводящей чтение тропаря-источника, нежели уникальность лексического соответствия между славянским и греческим – аргументом против этой реконструкции. Видимо, переводчик канона на славянский избрал неординарную параллель к *Тὸ στῆφος – форму *сънѣмъ* – не только по той причине, что она изосиллабична и гомотонична²³ греческому чтению, в отличие от двусложных *тѣла*, *пѣлкъ*, *чннъ*, но и потому, что ко времени создания славянской версии канона стабильный репертуар минейных переводов с их устойчивым набором лексических параллелей еще не сложился – т.е. „ординарных“ соответствий вообще не было. Тот факт, что для перевода не был избран *сѣставъ*, метрически также подходящий к греческому образцу (и, кстати, использованный в минеях)²⁴, объясняется, по нашему мнению, несходством семантической структуры этих слов: в SJS (2: 338) у *сѣставъ* выделяются значения ‘скопление, стечение’, ‘организм, тело, существо’, ‘ипостась’, ‘стихия’, что гораздо хуже соответствует семантике греч. *στῆφος* ‘толпа, множество, отряд, строй’, нежели основное значение существительного *сънѣмъ* – ‘собрание, сонм’ (SJS 2: 314)²⁵. Что же касается варианта *Съворъ*, засвидетельствованного в двух списках конца XIII и начала XIV в. – *Др* и *Z*, то его слабая представленность в письменной традиции тропаря, с одной стороны, и отсутствие веских аргументов, которые вынудили бы предпочесть его как эквивалент греческого *στῆφος*, – с другой, побуждают нас интерпретировать его как позднюю синонимическую замену „сонма“²⁶.

Расположение членов предложения, зависящих от *сънѣмъ*, являет собой образчик инверсии, крайне затемняющей понимание текста, а при попытке экстраполировать этот порядок слов на гипотетический греческий оригинал мы сталкиваемся с едва ли преодолимым препятствием: постановка причастия (*participium conjunctum*), согласуемого со *στῆφος*, до несогласованного посессивного определения к этому существительному – „агарян“ – крайне мало вероятна. В результате нам приходится в реконструируемом тексте приблизить определение к определяемому, а причастие поставить после него:

²² В ягичевских минеях в соответствии со *στῆφος* четыре раза наблюдается *тѣла* (Яг.: 49, 101, 295, 469), два раза – *пѣлкъ* (0157, 374); в Стихираре XII в. зарегистрирована параллель *στῆφος* – *сѣворъ* (*Sticherarium*: 36).

²³ Ср.: *сънѣмъ* (Зализняк 1985: 153).

²⁴ Ср.: *връжннѣ сѣставѣ поєвѣкающе* – *δυσσεβῶν τὰ στίφη συγκόπτοντα* (MD I: 633); см. также примеч. 20.

²⁵ Ср. также трехкратное употребление слова *сънѣмъ* в специализированном значении ‘церковный собор’ в Житии Мефодия (УСб: 190).

²⁶ В письменной традиции „Шестоднева“ Иоанна экзарха Болгарского отмечена замена чтения *сънѣмоч* (список 1263 г.) на *сѣворъ* (списки XV и XVII вв.) (Шест: 19–20). *Сѣворъ* как параллель к *στῆφος* зафиксирован также в поздней (XV в.) мартовской Минее Тр533, 73v, однако в более ранней редакции перевода, цитировавшейся выше (примеч. 20), фигурирует *сѣставъ*.

*Τὸ στίφος νεκροῦται τὸ τῶν Ἀγαρηνῶν προσβαλόν (при невозможности **Τὸ στίφος νεκροῦται προσβαλόν τὸ τῶν Ἀγαρηνῶν). Попутно оказывается, что данная фраза не вполне укладывается в рамки ирмоса Ἦλθον εἰς τὰ βάθη τῆς θαλάσσης; во всех тропарях, написанных на этот ирмос, первый колон обязательно состоит из десяти слогов с ударением на предпоследнем (но ср. **Τὸ στίφος νεκροῦται Ἀγαρηνῶν), и метрическое совпадение восстанавливаемого текста с ирмосом достигается только при условии дальнейшего изменения в порядке слов (**Τὸ στίφος Ἀγαρηνῶν νεκροῦται). Между тем ирмос Θύσω σοι свободно допускает во втором колоне 12 слогов с конечным ударением и обязательным ударением на 9-м слоге, ср.: κεκτημένος Θεοῦ Ἰσραὴλ δυνατήν; ὑπελθὼν ἐν τῷ γνώφῳ τῷ θείῳ Μωσῆ (MR I: 53); τῆς ἀνεσπέρου αἰγλῆς Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ (MR I: 362); ὡς ἐν πέτρᾳ τῆς πίστεως, μάρτυς Χριστοῦ (АНГ II: 241); ἀβλαβεῖς τὰς αἰσθήσεις σου πάσας σαφῶς (Климент Песнописец)²⁷. На фоне этих строк восстанавливаемый нами колон *νεκροῦται τὸ τῶν Ἀγαρηνῶν προσβαλόν представляется приемлемым именно в рамках ирмоса Θύσω σοι.

Как же объяснить изменение порядка слов в славянском по сравнению с гипотетическим оригиналом, не имеющее никаких отклонений по спискам, – сначала причастие, а затем форма существительного „агаряне“? На наш взгляд, эта перестановка продиктована переосмыслением всей конструкции, происшедшим либо на стадии перевода, либо уже в самом начале трансмиссии текста. В первом случае форма род. падежа *τῶν Ἀγαρηνῶν была ассоциирована не с „сонмом“, а с причастием προσβαλόν²⁸, ошибочно передана обычным при глаголах на прн- мест. падежом агарннѣхъ и „для ясности“ перенесена в позицию после причастия. Во втором случае перестановка затронула правильную форму перевода – присубстантивный дат. пад. *агарнномъ, который был воспринят как неверная управляемая форма при приложитнса²⁹ и поэтому заменен локативом. Поскольку до сих пор при реконструкции кирилловского канона мы еще ни разу не сталкивались с обесмысливающим переводом, правомерно заключить, что и в данном случае порча текста связана с его реинтерпретацией переписчиками, не располагавшими греческим оригиналом и искажавшими тропарь, „содержащий темное указание на исторические обстоятельства“, которые могли быть им „неизвестны или, по темноте самого указания, не поняты“ (Казанский 1865: 304). Раннее переосмысление посессивного определения как управляемого актанта, восходящее уже к начальным стадиям письменной традиции тропаря, обусловило практически повсеместное оформление его в локативе: вариативность здесь ограничивается варьированием гласной в суффиксе –

²⁷ В начальных слогах, напротив, ударение не столь определено, ср., помимо приведенных примеров с ударениями на 3-м и 4-м слогах, 10-сложный колон с ударением на 2-м слоге: συνάρημοι ὄντες οἱ μάρτυρες (АНГ II: 183; в издании дано нетрадиционное разделение на колонны).

²⁸ Глагол προσβάλλω действительно может управлять генитивом, однако в совершенно иных значениях – ‘пахнуть (чем-л.)’, ‘напоминать (что-л.)’ (LS: 1504).

²⁹ Ср. дативное управление в болгарском переводе XIV в., повторяющее греческий образец (но при другом глаголе): приложнвса страшнвоу скотоу (КМ: 222) – ἐντυχὼν δελοκαρδίῳ ζῳφ.

-нн- (скорее всего, первоначальная форма, воспроизводящая греч. -ην-), -ън- (в большинстве болгарских и сербских списков начиная с *Гр*), -ан- (в восточнославянских списках *В, Т105, Л, Поч*). Единственный список, в котором, как уже говорилось, агарннь может считаться определением к „сонму“, – *Хл152* – вряд ли должен рассматриваться как сохраняющий исконную форму: перевод греческого приименного генитива славянским родительным представляется сомнительным. Итак, для изначального текста перевода – коль скоро мы декларируем его адекватность оригиналу – в качестве эквивалента генитивной формы *τῶν Ἀγαρηῶν предпочтительно реконструировать дат. падеж *агарнномъ.

Реконструкция 2-го колона в виде *мрътвѣтѣса агарнномъ приложѣса заставляет признать не случайной вариативность сказуемого, которое в большинстве списков выступает в наст. времени, но в ряде списков XIII–XVII вв. (*Др, Ск, НБКМ895, Z, Хл166, Хл164, Р, Пог*) – в форме аориста оумрътвѣса. Хотя форма источника – наст. вр. νεκροῦται – позволяет решить вопрос о первоначальности в пользу более древнего варианта, с позиций стихометрии презенс оказывается не лучшим выбором: колон *мрътвѣтѣса агарнномъ приложѣса на один слог превышает максимально возможный образец (13 слогов vs. 12). Обращает на себя внимание тот факт, что начальное *Неκροῦται* тропаря-источника в древнейших славянских списках передано аористом *Оумрътвѣса* (Яг.: 309). Думается, что и в традиции кирилловского канона, и в ноябрьской минее приставочный аорист восходит к изосиллабичной греческому беспрефиксной форме *мрътвѣса, ср. употребление глагола *μῆρτβιτῖς* в значении совершенного вида в соответствии с греческим перфектом в *Слове о Марии Египетской* по древнерусскому *Чудовскому* сборнику конца XIV в.: ты оуже къ бѹ приближилася ѳеси. и мно(гою) частью мертвилася ѳеси. (νεκρωσασα) (СДРЯ 5: 96)³⁰. Стремясь к изосиллабизму, книжники заменяли грамматически точную, но четырехсложную форму перевода *мрътвѣтѣса трехсложной формой аориста *мрътвѣса, видовая неопределенность которой, в свою очередь, обуславливала замену ее аористом с приставкой, маркирующей перфективность.

Сравнение ѣко змнѣ, открывающее 3-й колон, сохраняется в большинстве списков без каких бы то ни было разночтений, а в нескольких списках подвергнуто лишь несущественным и очевидным искажениям (*НБКМ141* ѣ в. ѣко, *Др змнѣ, НБКМ140, НБКМ141, Вар змѣѣ, НБКМ902 змѣа, Р зѣмнѣ*). Почему же исламские богословы сравниваются со змеей? В оригинальном тексте – тропаре в честь Павла Исповедника – извивающейся змее был уподоблен уже гибнущий, поверженный, конвульсирующий „сонм“ еретиков, однако в парафразе устранение причастной формы *συρόμενον* приводит к изменению образности: сравнение соотносится теперь с *προσβαλόν* / *приложѣса* – т.е. характеризует врагов еще действующих. Употребление глагола *приложитѣса* в значениях ‘натолкнуться (на кого-, что-л.), столкнуться (с кем-, чем-л.), схватиться (с кем-л.), напасть (на кого-л.)’, до последнего времени не привлекавшее

³⁰ С неточным толкованием; должно быть ‘стать мертвым, лишиться жизни’, см. СДРЯ 8: 689.

внимания лексикографов, благодаря недавним изданиям стало неоспоримым фактом древнеславянской семантической системы – подобные конструкции идентифицированы в ряде минейных текстов, например: мѹчнтель та доврѹю дѣвоу крастн надѣаашеса нъ вестоуднъ облнчнса прѣложнса [в др. сп. прн-, -жь-] крѣпцѣн твоен мѹдрѹстн – προσβαλὼν τῷ στερεῶ σου φρονήματι (MF I: 335) ‘столкнувшись с твердой твоей волей’³¹; Посрамленъ взистъ нечѣстнвнн приложнса къ страсотѣрпчезъ н мѹченнкомъ – Ἠσχύνθη τοῖς ἀθλοφόροις μάρτυσιν ὁ δυσμενῆς προσβαλὼν (MF II: 422). Встретилось такое употребление и в службе Кириллу: как было показано в Крысько 2009б: 5–6, значение ‘напасть, обрушиться’ представлено во втором тропаре 4-й песни (*маднаньстѣн ересн приложнса горько ‘сурово (резко) напав (обрушившись) на мадиамскую ересь’). В анализируемом тропаре форма приложнса означает – если исходить из сведений, сообщаемых Житием, – скорее пассивное, нежели активное действие: притчи Константина явились тем орудием, коим были „поражени“ магометане, искушавшие его „ѡтъ всѣхъ хоудожьствѣи, наже и сами оумѣахоу“ (ЖК VI – Лавр.: 9, 10); в гиперболизирующем изображении гимнографа „сонм агарян“ гибнет, словно змея, бросающаяся на Философа, но расшибающаяся о твердость его притч.

При всей частотности оборота ὡς ὄφис в византийской письменности, уподобление змее суемудрых иноверцев, покушающихся на истинную веру и истребляемых боговдохновенными словами святого, находит, как нам кажется, непосредственную поддержку в тексте Псалмов Соломона – книги, признаваемой Греческой Церковью: καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν ἐπ’ οἶκον ἀνδρῶς ἐν εὐσταθείᾳ ὡς ὄφис διαλύσαι σοφίαν ἀλλήλων ἐν λόγοις παρανόμων (PsSal 4:9) (ср. русский перевод всего контекста: ‘Открой, Боже, дела людей-человекоугодников, да будут осмеяны и поруганы дела их. И да признают благочестивые праведность кары Бога их, когда истребляет Он грешников от лица праведника, человекоугодников, говорящих закон с хитростью. И словно змея глаза их в жилище человека твердого, дабы разрушить мудрость невинных речами преступными’ <http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/apokrif/Psal_Solom.php>).

Следующий далее оборот в древнейшем списке выглядит как живѹщнхъ тн въ прнтъчэхъ. Важнейшие разночтения (если отвлечься от явных искажений – „зовущих“ или „живущих окрест“, – а также замены мн. числа имен. падежом ед.ч. жен. рода -щн *В, Гр, Хл164, Л, Ск, Р* и локатива – твор. падежом в *Хл152*) сводятся к отсутствию притяжательного местоимения (*Гр, НБКМ895, Z, Хл166, Р*; в *Др* – н) и предлога (*Z, Хл152, Р*). Сопоставление с источником парафразирования – службой Павлу Исповеднику – показывает, что разбираемый оборот восходит к τοῖς ζωτικῶς σου λόγοις – управляемой конструкции при причастии προσβαλὼν, т.е. приложнса (см. Крысько 2005: 46). Поскольку в сочетании именной локативной группы с глаголом приложнтнса предлог избыточен, чтение наиболее раннего списка, в котором въ отсутствует, – *Z* (приложнса... живѹщнхъ прнтъчэхъ) – в данном аспекте можно трактовать как отражающее первоначальный перевод. В то же время пропуск тн (= σου)

³¹ В издании MF дан перевод „ergab sich“ – ‘сдался’ (!).

явно вторичен, так как приводит к затемнению смысла: при отсутствии обращения принадлежность „притч“ становится неясной. Примечательно сохранение позиции тн в соответствии с оригиналом – до существительного, к которому эта энклитика по смыслу относится: σου λόγους – *тн прнтъчахъ.

Специального анализа в приведенной синтагме заслуживает перевод прилагательного ζωτικός. В гимнографических памятниках его обычным эквивалентом является прилагательное жнвотънзын (см. Яг.: 80; Stern 1: 202 [Водъ жнвотънзыхъ], 622; Т106, 38r; Тр515, 113r, 128r; Тр523, 157v; Тр533, 73v; Тр566, 164r), изредка – жнвзын (Соф199, 9r³²). Многозначность этих эквивалентов отнюдь не обеспечивает точности перевода; неудивительно, что порой на месте ζωτικός появляются, вероятно, вторичные чтения – композиты жнвносьнзын (Яг.: 0224, 309)³³ и жнвотворънзын (Тр576, 168r). Однако в Синайском евхологии зарегистрирован перевод ζωτικός посредством причастия от жнвнтн, позволяющий весьма точно передать семантику греческого слова: жнван • свѣтелъ источникъ б3а17 – ζωτικῆ (SJS 1: 602). О возможности такого перевода свидетельствует, по-видимому, и Азбучная молитва Константина Преславского: У. Р. Федер (2005: 300) возводит представленное в ряде списков этого текста написание жнвцааго к жнвацааго, интерпретируя чтение с -оу- как „тривиализацию“; к первоначальному жнвацааго восходит, по его мнению, и „тривиализированный“ вариант жнвотворцааго; реконструируемый им контекст гласит: доуха послан жнвацааго. Поскольку славянское словосочетание доухъ жнван, очевидно, воспроизводит греческую формулу πνεῦμα ζωτικόν (Прем. 15:11, см. многочисленные цитаты в TLG), данный случай со значительной долей уверенности также можно присоединить к ранним славянским переводам ζωτικός как жнван. Вместе с тем приходится констатировать, что в нашем распоряжении нет ни одного примера, который мог бы подтвердить высказанное нами ранее (Крысько 2005: 46) предположение о том, что жнвжцнхъ является переводом ζωτικός, ошибочно воспринятого в ином значении – ‘живущий, живой’ (Lampe: 599; Двор.: 740). Выбирая между подкрепленным многочисленными написаниями в списках тропаря, но семантически ошибочным вариантом жнвжцнхъ и семантически правильным переводом жнвацнхъ (в пользу которого в рамках традиции кирилловского канона говорят только такие слабые свидетельства, как жнвацн^х *НБКМ902* и жнвацн *Ск, Р* – в рукописях, характеризующихся смешением юсов), мы предпочитаем теперь второе чтение, восстанавливая для 3-го и начала 4-го колонов следующий облик: *(прнложьса •) (3) ѣко змнѣ жнвацн(н)хъ тн • (4) прнтъчахъ.

В греческом оригинале на этом месте реконструируется *(προσβαλὸν •) (3) ὡς ὄφεις ταῖς ζωτικαῖς σου • (4) παρομίαις, что в целом соответствует стихометрической структуре ирмоса Θύσω σοι, ср.: (3) ἡ ἐκκλησία βοᾷ σοι • (4) ἐκ δαιμόνων...³⁴ В то же время к ирмосу Ἦλθον εἰς τὰ βάθη реконструи-

³² Аналогично – ГА 3: 88.

³³ Ср. параллель жнвносьнзын (Яг.: 299) – ζωφόρος (MR II: 47).

³⁴ При выборе между двумя возможными соответствиями к прнтъчахъ – *παρομίαις и *παρὰβολαῖς – мы отдаем предпочтение первому, так как ударение на 4-м слоге в четвертом колоне встретилось нам лишь в одном тропаре, написанном на указанный ирмос, при том что

руемый текст не подходит: хотя второй колон и вписывается в рамки ирмоса в случае проблематичной постановки артикля при причастии (ср.: καὶ κατελόντισέ με – **τὸ προσβαλὸν ὡς ὄφεις), третий колон восстанавливается лишь с нехваткой слогов, ср.: καταίγεις πολλῶν ἀμαρτημάτων (10 слогов) – **ζωτικαῖς σου παροικίαις (8 слогов).

С учетом стихометрического параллелизма между ирмосом и славянским текстом может быть решен вопрос о форме причастия: необходимость приблизить количество слогов в реконструируемом славянском тропаре к объему, диктуемому ирмосом, заставляет признать более вероятной форму *жнвацинхъ, со стяжением, наблюдаемым в списках начиная с XII в. (*Г104, Др, НБКМ895, Z, Пан, Пал* и др.)³⁵. При такой реконструкции третий колон (*яко змна жнвацинхъ тн) включает 9 слогов, что лишь на один слог длиннее нормы, предписываемой ирмосом.

С чем же связана замена *жнвацинхъ на жнвѣцинхъ? Наличие формы с -ѡци во всех древнерусских рукописях позволяет исключить здесь графико-фонетическое объяснение – отражение мены юсов, поскольку такую мену трудно постулировать для древнеболгарского протографа. На наш взгляд, замена носит чисто лексический характер и связана с переосмыслением всего контекста, обусловленным неверным пониманием формы приложьса, не столь уж редким в минейной традиции: так, выше уже отмечалось, что в тропаре Павлу Исповеднику оборот τοῖς ζωτικοῖς σου λόγοις интерпретирован как форма инструмента при Νεκροῦται ‘умерщвляется’ и передан твор. падежом, – а тем самым глагол приложьса (вм. приложьса – προσβαλὸν) оставлен без обязательной валентности, т.е. семантически недостаточен; в февральской минее оборот, который изначально, очевидно, выглядел как *нечьстнвѣмь моченнче приложьса ннзъврже – τῷ δυσμενεῖ, μάρτυς, συμπλακεῖς κατέρραξας ‘с врагом [дьяволом], мученик, схватившись, ты одолел [букв. низверг]’, по спискам заменяется либо на нечьстнвѣзмь... прѣложьса, либо на съ нечьстнвѣзмь... приложьса (MF I: 581; Крысько 2009в: 86–87). Искажение исходной конструкции наблюдается и в истории исследуемого тропаря: соотнеся приложьса с „агарянами“, переписчики лишили локатив *жнвацинхъ (тн) прнтъчахъ управляющего глагола и чаще всего переосмысливали жнвацинхъ как форму, согласованную с появившимся рядом вторичным локативом агарннѣхъ. Поскольку, конструкция *агарннѣхъ жнвацинхъ тн прнтъчахъ совершенно бессмысленна, стремление придать ей грамматически приемлемый облик потребовало двух последовательных „поновлений“ – во-первых, замены причастия со значением ‘животворящих’, явно неуместного в отношении „агарян“, другой формой, отличающейся от жнвацинхъ только носовым, – причастием от глагола жтн, обычного при названиях народов (жнвѣцинхъ), во-вторых – замены беспредложного мест. падежа прнтъчахъ предложной конструкцией,

---

данный колон превосходит количество слогов в ирмосе и в реконструируемом тексте: φιλοξενῶν θεραλείαν τε ποιούμενος (АНГ XII: 269).

³⁵ О возможности варьирования стяженных и нестяженных форм прилагательных и причастий уже в начальный период славянской письменности, т.е. в эпоху создания кирилловского канона, см. Крысько 2008: 7–8.

естественной при жтн, – въз + мест. пад. (ср.: възпою свѣтъло... орѣста • въз вожьствынънхъ жнвоуща горахъ ТУ: 113 – τοῖς θείοις διαλωμενον ὄρεσι MR II: 483). Иной путь переосмысления отражен в *Хл152*, где, как мы видели, вместо локатива появляется твор. падеж жнвѣщнмн твонмн прнтчѣмн, соотносенный (как и в каноне Павлу) с мртвнѣса, при том что глагол прѣложнтнса остается без управляемой формы.

Заключительная синтагма тропаря – причастный оборот, в котором описывается „изнеможение“ агарянского сонма, – в ряде списков XIV–XVII вв. (*Пан* и группа *НБКМ902* и др.) заменена совершенно иной конструкцией, зависящей от вторично введенного в текст глагола проповѣдатн (см. выше): слово ѣднносоущное [*НБКМ141* -наго] • нмже спсьшесе хл прославляемь [так *Пан*, в других списках -внмъ]. Поскольку все это дополнение никак не согласуется с предыдущим текстом (где подлежащим остается *Сънмъ*), далее мы к нему обращаться не будем. В остальных списках зафиксированы разночтения, которые могут быть обобщены в следующем сводном тексте (основанном на списке *С*):

трнсълнньчнѣ [Т104, В, Т98, Др тръ-; Т105 тре-; Z тръ-; Хл152 -аго; Гр, НБКМ895, Хл166, Хл164 -но; Др -чнѣ (= Пал, Пог); Ц -чнѣн; Ск слнечнѣ] н [Гр нъ; Ск, Z, Хл152, Хл166, Хл164, Р, Ц нет]³⁶ ѣднного [Т105, НБКМ895, Хл166 -но; Хл152 нет] вожьства [НБКМ895, Хл166 -во; Т105 -внѣ; Хл152 ввръѣ] слюю оубо [Т104, Др, Пал во; Ск внѣ; Гр не; Хл152, Пог нет] нънмагнѣ [Хл164 възмагнѣ; Пог възмагнѣ; Хл152 прънмагнѣ].

Инвариантной в этом тексте – и, по всей видимости, восходящей к переводу – является только форма слюю. Установление ее изначального присутствия во фразе позволяет, однако, делать выводы и об исконности или неисконности других форм, соотносящихся с нею. Так, рядом с слюѣ в пределах одного атрибутивного словосочетания надежно реконструируется посесивный генитив – т.е., скорее всего, вожьства, а не номинатив вожьство и не относительное прилагательное вожьствнѣ, не связанное ни с каким существительным; вторичным оказывается и чтение ввръѣ, плохо сочетающееся, в отличие от вожьства, с эпитетами „трисолнечный“ и особенно „единый“ (неудивительно, что в *Хл152* форма ѣднного перед ввръѣ опущена). Полупредикатив, согласованный с подлежащим *Сънмъ*, должен стоять в имен. падеже, что исключает чтение *Пог* – синтаксически изолированный датив възмагнѣ. Поскольку враждебный сонм очевидно подвергается – через боговдохновенные притчи Константина, живительные для ищущих правды, но убийственные для неверных, – разрушительному воздействию божественной силы, которой ничто земное не способно противостоять, ясно, что он не может ни „усиливаться“ (възмагнѣ), ни даже просто „не изнемогать“ (*Гр*) – а значит, чтения *Гр*, *Хл164* и *Пог* могут быть с уверенностью отвергнуты. Глагол прънмагнѣ (*Хл152*) мог бы рассматриваться как конкурент основного чтения – естественно, не в значениях ‘проявлять пренебрежение’ или ‘проявлять малодушие, слабость’ (СДРЯ 8: 232), мало подходящих к синтаксическому

³⁶ Чтение *Пог*, где между двумя эпитетами Божества вставлено те же не покоршоусе те же, бессмысленно и очевидно вторично.

окружению (σλοῦξ), но только в значении ‘изнемогать’ (SJS 3: 465) – однако абсолютное преобладание варианта с нз- побуждает трактовать позднейшее прѣ- как синонимическую замену. Эпитеты Божества должны согласовываться с формой божества – и, следовательно, отмеченные в разных списках формы мн.ч. либо имен. пад. ед.ч. первого определения и имен. пад. второго определения в равной степени отражают порчу текста.

Свидетельства древнейших источников, демонстрирующих префикс трь- в соответствии с греч. τρισ- (ср. SJS 3: 505–507; ИК: 852: трьблжжн), да и самого списка С, сохранившего исконный облик приставки в 3-м тропаре четвертой песни (тръсьльньчьнаго гласа, см. Крысько 2009б: 9), позволяют считать огласовку префикса трнсьльньчьна в большинстве списков исследуемого тропаря вторичной; первоначальная форма трь- наблюдается в трех списках XII и одном – XIII в., тогда как в списках XIV в. представлено смешение редуцированных (тръ- Z) либо вокализация (трѣ- T105). Что же касается морфологического облика этого эпитета, то выбор между нечленной (простой) формой большинства списков и стяженной членной (сложной) формой Хл152-аго не может определяться стихометрическим критерием: в то время как ирмос Θύσω σοι содержит в четвертом колоне 11 слогов (ἐκ δαιμόνων λύθρου κεκαθαρμένη), многочисленные тропари, написанные на данный ирмос, обнаруживают значительное разнообразие – от 10 до 13 слогов³⁷, так что и строка *прнтъчахъ трнсьльньчьна, и строка *прнтъчахъ трнсьльньчьна(а)го в равной степени могли бы претендовать на возведение к оригиналу. Апелляция к сходным контекстам, в том числе и к самому кирилловскому канону, заставляет все же предпочесть членную (сложную) форму, ср.: Прѣстолю прѣдъстоа • тръсьльньчьнаго вжтва – τῆς Τρισηλίου Θεότητος (ИК: 270); просвъщена лоччамн тръсьльньчьнаго [так! T92 -аго] свѣта (Яг.: 384; ИК: 254) – τοῦ τρισηλίου φωτός (MR II: 169). Другой вопрос – была ли исконная форма прилагательного в разбираемом колоне стяженной; ввиду того, что сохранившиеся списки не дают никаких оснований для реконструкции нестяженной флексии -аго, восстанавливать ее для изначального текста было бы, думается, рискованно.

Следующая проблема заключается в том, имелся ли союз между определениями трнсьльньчьнаго и ѣднного. В единственном известном нам греческом тексте, содержащем параллель к анализируемому пассажи, союз отсутствует: Χριστὸν... ἐπικαλεσάμενοι, τὸν τοῦ πατρὸς συνάναρχον καὶ τοῦ παναγίου πνεύματος συναίδιον, τὸν ἕνα τῆς μιᾶς τρισηλίου θεότητος ‘Христа призывая, собезначального Отцу и совечного Пресвятому Духу, одного из [Лиц] единого трисолнечного Божества’ („Житие Андрея Критского“ патрикия и квестора Никиты Константинопольского, до 843 г.) – и следует констатировать, что наличие союза в принципе было бы в данном контексте необычно, так как μία и τρισηλίος не являются однородными членами. В реконструируемом славянском тексте 5-я строка без союза, с одной формой местоимения ѣднного, оказывается изосиллабичной ирмосу Θύσω σοι (колон τῷ δι’ οἴκτου) и большинству тропарей, выпеваемых на этот ирмос. Таким образом, 4-й и 5-й

³⁷ Например: τὸν τὰ σύμπαντα περιέχοντα (MR I: 82) – 10, τοῖς βουνεύροις κάλλιστα ἠθλοφόρησεν (AHG II: 68) – 12, φιλοξενῶν θεραλείαν τε ποιούμενος (AHG XII: 269) – 13.

колонны представляется целесообразным восстановить для исходного славянского текста в виде *(4) прнтъчхъ трнслъньчнѧго · (5) єдннѧго. В греческом, однако, оба определения Божества свободно вписываются в 4-й колон: *παροιμίαῖς, τῆς μιᾶς τρισηλίου, – а пятый занимает форма *θεότητος, метрически подобная многочисленным 5-м колонам на указанный ирмос с ударением на 2-м слоге (ἐλοίκιλας АНГ II: 156, ἐγνώρισας 233, ἐλότισας 363 и т.п.). Единственное отличие между реконструируемыми греческим и славянским текстами состоит в порядке эпитетов: в славянском более многосложная форма находится в 4-м колоне, более краткая – в 5-м, тогда как для греческого мы, ориентируясь на ближайший аналог – текст Никиты Константинопольского, восстанавливаем последовательность μιᾶς τρισηλίου. В то же время попытка реконструкции греческого оригинала в соответствии с „конкурирующим“ ирмосом Ἦλθον εἰς τὰ βάθη приводит к существенно менее удовлетворительному результату: следуя славянской синтагме **трнслъньчнѧ · єдннѧго божьства, максимально приближенной к данному образцу (ср. resp. 4 и 7 слогов в 4-м и 5-м колонах ирмоса: ἀλλ' ὡς Θεὸς · ἐκ φθορᾶς ἀνάγαγε), мы можем восстановить лишь далеко не безупречный греческий текст *(4) τῆς τρισηλίου · (5) καὶ μιᾶς θεότητος, с нарушением метрики в 4-м колоне, не знающем отклонений в греческой гимнографии, – пять слогов с ударением на предпоследнем вместо требующихся четырех с ударением на последнем.

В заключительной строке некоторые сомнения вызывает еще один союз, выступающий по спискам то в виде οὐβο, то в виде βο, то вообще отсутствующий. И та, и другая славянские лексемы регулярно используются для перевода греч. γάρ, нередко варьируясь в разных списках одного и того же текста (ср., например, ИК: 341). Наличие γάρ в греческом оригинале явствует из метрических соображений – обратный перевод слав. снлож (οὐ)βο нзнемагаѧ дает колон, полностью соответствующий ирмосу Θύσω σοι, ср.: (6) *τῆ δυναστεία γὰρ ἀσθενούμενον – ἐκ τῆς πλευρᾶς σου ῥεύσαντι αἵματι. Очевидно, при точном переводе союз был сохранен и в славянской версии, невзирая на то, что колон *божьства снлож βο нзнемагаѧ превышает греческий образец по числу слогов – 12 vs. 11 в ирмосе.

Итак, славянский и греческий тексты первого тропаря 6-й песни кирилловского канона реконструируются нами следующим образом:

1 *Съньмъ	3/3	*Τὸ στίφος
2 мрътвнтъса агарннѧ прнложьса	13/10–12	νεκροῦται τὸ τῶν Ἀγαρηῶν προσβαλὸν
3 ѧко змна жнвацинхъ тн	9/7–8	ὡς ὄφις ταῖς ζωτικαῖς σου
4 прнтъчхъ трнслъньчнѧго	10/10–13	παροιμίαῖς, τῆς μιᾶς τρισηλίου
5 єдннѧго	4/4–5	θεότητος
6 божьства снлож βο нзнемагаѧ	12/11	τῆ δυναστεία γὰρ ἀσθενούμενον

– т.е. ‘Собрание агарян уничтожается, натолкнувшись, как змея, на живительные твои притчи [или, нагляднее: расшибившись о твои притчи], ибо изнемогает от силы трисолнечного единого Божества’.

Восстановление греческого оригинала, практически безупречно укладываемого в рамки ирмоса Θύσω σοι, указывает на первичность этого ирмоса как стихометрического образца при создании тропаря. Вместе с тем, абстрагировавшись от гипотетического греческого текста, мы можем заметить, что более поздняя версия славянского песнопения, отражающая те изменения, которые были вызваны переосмыслением, и представленная (с незначительными отклонениями) уже в древнейшем списке, без особых усилий вмещается в пределы ирмоса Ἦλθον εἰς τὰ βάθη, ср.:

1 *СЪНЪМЪ МРЪТВѢНЪСА ПРЛОЖЪСА	11/10–11 ³⁸	Ἦλθον εἰς τὰ βάθη τῆς θαλάσσης,
2 АГАРННѢХЪ ІАКО ЗМНА	9/7	καὶ κατεπόντισέ με
3 ЖНВЖЦНХЪ ТН ВЪ ПРНТЪЧАХЪ	10/10	καταιγὶς πολλῶν ἁμαρτημάτων,
4 ТРНСЛЗНЬЧНА	5/4	ἀλλ' ὡς Θεὸς
5 ЕДННОГО БОЖЬСТВА	7/7	ἐκ φθορᾶς ἀνάγαγε
6 СНЛОИѢ (ΟΥ)ВО НЗНЕМАГАІА.	9–10/9–10	τὴν ζωὴν μου, πολυέλεε.

Переход от одного образца к другому связан, как можно предположить, со стихометрической переориентацией всей шестой песни – переориентацией, причиной которой явилось введение в состав песни написанного ранее и изначально не ассоциированного с кирилловским канонам богородична на ирмос Ἦλθον εἰς τὰ βάθη.

В т о р о й тропарь 6-й песни демонстрирует по рукописям значительные различия, причем в каждом из списков текст в большей или меньшей степени бессвязен и аграмматичен, ср. версию древнейшего списка (*Ил*, 129v):

ІАко нзвѣрѣна стрѣла ѡвнса • ере|тнкомъ врагомъ • нмена въ тѣ|лѣ стѣхъ
пррѣкъ іакоже пншетъ • | хрѣнаше н вѣтвѣмъ прострѣ|лаиѣци.

Помимо наличия библейской реминисценции – цитаты из Ис 49:2³⁹ (ср.: ἔθηκέν με ὡς βέλος ἐκλεκτὸν καὶ ἐν τῇ φαρέτρᾳ αὐτοῦ ἐσκέπασέν με – положн ма ѣко стрѣла нзвѣрѣна ÷ въ тѣлѣ своемъ скрѣи ма ПарГр: 219⁴⁰), структурно-содержательный анализ песнопения несколько облегчается также благодаря тому, что нами был обнаружен греческий текст – второй тропарь 4-й песни канона Григорию Нисскому, – по всей вероятности, послуживший, как и ряд других тропарей этого канона, источником для парафразирования при сочинении кирилловского канона (Крысько 2007а: 37), ср.:

Βέλος ἐκλεκτὸν Θεοῦ ἐδείχθης, πάτερ, ἀναιρετικὸν [вар. τῶν αἰρετικῶν]
βλασφημῶν νοημάτων<, > ἐν τῇ φαρέτρᾳ τοῦ λόγου [Λόγου?] τῆς

³⁸ Ср. 11-сложный колон: Αἱ κύκλω παρεστῶσαι τοῦ Δεσπότη (PaR: 297).

³⁹ См. уже Казанский 1865: 305: „Здесь очевидно заимствование образа из 49 главы ст. 2 пророка Исаии“.

⁴⁰ Слав. скрѣи восходит к различению ἔκρυσέν (см. VT: 633); так же в Лобковском и Захариинском паремейниках, аналогично – в Книгах 16 Пророков по списку нач. XVI в. Tr89, л. 99: положн ма акы стрѣла нзвѣрѣна, н въ тоу|лѣ своемъ скрѣи ма. В русском синодальном переводе несколько иначе: „соделал Меня стрелю изостренною; в колчане Своем хранил Меня“ (см. об этом ниже).

ἀληθείας<,> πνευματικῶς [вар. προφητικῶς] εἰλεῖν<,> σκελόμενον (АНГ V: 214) букв. ‘Стрелю избранною Бога ты явился, отче, смертельною [вар. еретиков, еретических] для богохульных замыслов, в колчане слова [Слова?] истины, образно [вар. словами пророка] говоря, сохраняемую’.

Как мы уже отмечали ранее (Крысько 2007а: 37), славянский текст содержит несколько лексико-семантических совпадений с греческим источником: Βέλος – стрѣла, ἐκλεκτόν – нзвѣрана, ἐδείχθης – явнса, τῶν αἰρετικῶν – еретнкомъ, ἐν τῇ φαρέτρᾳ – въ тѣлѣ, προφητικῶς – пророчьскы (вар. XIII–XIV вв.), σκελόμενον – храняще, – причем в последнем случае и греческая параллель (медиопассивное причастие), и общие соображения грамматической связности заставляют сразу внести в славянский текст конъектуру, опирающуюся на чтения восьми списков, начиная с *Гр*, – возвратный постфикс -са, придающий глаголу страдательное значение. Сравнение с греческим тропарем выявляет структурный параллелизм двух текстов – но вместе с тем и некоторые отличия. Так, предикативный центр обоих предложений составляет форма 2-го л. ед.ч. аориста глагола ‘явиться’, сопровождаемая именной частью – номинативом ‘избранная стрела’; в то же время только в славянском есть сравнительный союз ‘как’, а в греческом – обращение ‘отче’; без видимых соответствий в греческом источнике остается странная форма нмена. В рукописной традиции греческого текста замена прилагательного ἀναίρετικόν ‘убийственная’, согласованного с Βέλος (сред. род) и управляющего род. падежом ‘(для) замыслов’, формой τῶν αἰρετικῶν ‘еретиков’ привела к анаколуфу – генитив τῶν αἰρετικῶν βλασφημῶν νοημάτων, фигурирующий в одном из четырех сохранившихся списков канона Григорию Нисскому, синтаксически изолирован; напротив, славянский эквивалент этого родительного, датив еретнкомъ врагомъ, прекрасно сочетается с явнса как форма косвенного объекта. Для греческого причастного оборота ‘в колчане хранящаяся’ точной параллелью является *въ тѣлѣ хранящсѧ, несогласованному греческому определению ‘(в колчане) Слова истины’ соответствует славянское согласованное определение ‘(в колчане) святом’ (так – *святѣмь – в семи списках), вводной конструкции ‘словами пророка говоря’ (букв. ‘пророчески сказать’) – также вводное предложение, в своей первоначальной форме сохраненное шестью списками, – *пророчьскы ѧкоже пншетъ. Не имеет параллели в парафразируемом тексте заключительный причастный оборот кирилловского тропаря (бжтѣмь прострѣлаѣщн), вставка которого потребовалась, очевидно, по стихометрическим причинам – для заполнения колона, диктуемого ирмосом.

Установление этого ирмоса, т.е. выбор между двумя ирмосами, использовавшимися при создании 6-й песни кирилловского канона (Θύσω σοι ἰΨθον εἰς τὰ βάθη), обуславливается реконструкцией греческого текста тропаря. Судя по слав. *Ѧко*, тропарь должен был начинаться с *Ως* (см. Темчин 2007а: 335), или *Ωσεί*, или *Ωслер*, что полностью согласуется с реконструируемой в акrostихе канона в данной позиции буквой *Ω*, представляющей собой флексию артикля при следующем далее существительном *Φιλόσοφ* – τῷ. Единство всех списков в том, что касается порядка слов в атрибутивном словосочетании нзвѣрана стрѣла, позволяет постулировать такой же порядок

слов для первоначального славянского текста. Однако если мы попробуем уместить греческие эквиваленты к *ІАко* и *нзвѣрна* (*ἐκλεκτόν*) в ирмос *Θύσω σοι*, то столкнемся с нехваткой слогов и/или нарушением ударения: в ирмосе первый колон включает три слога с ударением на первом, во многих других тропарях, написанных на указанный ирмос, – также три, но с ударением на втором слоге, а в трех тропарях канона мученику Антиоху Севастийскому (16 июля) ударение падает либо на второй, либо на третий слог четырехсложного колона (*Σοῦ τοὺς πόδας; Μετέθεντο; Ἀβλεπτεῖτε* – АНГ XI: 288). Нетрудно убедиться, что текст ***Ως ἐκλεκτόν* не вписывается ни в одну из этих схем. В то же время перестановка слов в составе атрибутивного словосочетания в соответствии как с библейским первоисточником, так и с источником парафразирования, т.е. возвращение „стрелы“ на первое место, приводит к желаемому результату – **Ως βέλος*. При реконструкции греческого текста песнопений в честь Кирилла мы уже несколько раз сталкивались с необходимостью подобной перестановки, и сравнение многих других переводных гимнографических текстов с их оригиналами показывает, что изменения в порядке слов, продиктованные стихометрическими причинами, безусловно входили в инструментарий переводчиков. Но что могло заставить славянского книжника переставить определяемое и определяющее? При пословном переводе, оставаясь в пределах исконного ирмоса, он должен был поместить в первом колоне четыре слога с ударением на последнем: **ІАко стрѣла* (см. Зализняк 1985: 138) – что нарушало образец, однако, как представляется, все же не являлось непреодолимым препятствием, так как гомотония, судя по всему, изначально была желательным, но не обязательным условием при переводе гимнографических текстов. Более того – замена двусложной формы *стрѣла* на четырехсложную *нзвѣрна* в первом колоне приводила к еще большему отличию от ирмоса. Думается, что причиной перестановки стало преобразование всей 6-й песни по новому ирмосу – *Ἦλον εἰς τὰ βάθη*⁴¹.

Если же абстрагироваться от порядка слов в начале песнопения, то можно констатировать, что обратный перевод со славянского на греческий позволяет вывести такой текст гипотетического греческого тропаря, который полностью и практически без натяжек соответствует именно ирмосу *Θύσω σοι*. В частности, последовательный перевод слов *нзвѣрна ѡвна еретнкомъ врагомъ* дает 2-й колон **ἐκλεκτόν ὄφθης αἰρετικοῖς τοῖς ἐχθροῖς*, который в стихометрическом отношении весьма близок многим 12-сложным колонам с ударениями на 9-м и последнем слогах, например: *κεκτημένος Θεοῦ Ἰσραὴλ δυνατήν* (MR I: 53; другие примеры см. выше). При этом славянское аппозитивное „еретики-враги“ оказывается эквивалентом греческого атрибутивного словосочетания с прилагательным *αἰρετικός* ‘еретический’. Правда, точная реконструкция падежной формы двух имен, переданных в славянском как

⁴¹ О том, что этот ирмос не являлся образцом при создании оригинального текста песнопения, свидетельствуют трудности при реконструкции 2-го и 3-го колонов: параллель к *еретнкомъ врагомъ* – **αἰρετικοῖς τοῖς ἐχθροῖς* – не соответствует колону с ударением на предпоследнем слоге (*καὶ κατελόντισέ με* в ирмосе), а в начале 3-го колона не удастся установить метрический эквивалент трехсложной формы с конечным ударением (*καταγίς*).

еретнкомъ врагомъ, зависит от того, сочетались ли они с глаголом ὄφθης как форма косвенного объекта или же подчинялись следующему далее слову (как, например, генитив βλασφημῶν νοημάτων в основной версии тропаря Григорию Нисскому – прилагательному ἀναίρετικόν); до тех пор пока это слово, которое в *Ил* и большинстве списков выглядит как нмена, не восстановлено (см. ниже), вопрос о падеже „еретических врагов“ остается открытым.

Попытаемся реконструировать оригинальный текст для обстоятельства, которое следует за словом нмена и, очевидно, заключает 3-й колон тропаря, – въ толъ. Данная предложно-падежная форма не имеет по спискам никаких разночтений (кроме бессмысленной описки тълъ *Хл 164* и пропуска в *Ск*) и с уверенностью может быть восстановлена для греческого почти в том же виде, что и в тексте Исаии и в тропаре Григорию Нисскому, т.е. как сочетание дат. падежа φάρετρα с предлогом ἐν. Ограничение, налагаемое ирмосом на реконструкцию 3-го колона, состоит в том, что пятый с конца слог, отделенный двумя слогами от непременно ударного предпоследнего слога, также обязательно должен быть ударным (ἡ ἐκκλησία βοᾷ σοί). Это означает, что мы не можем восстановить перед дативом φάρετρα два неортогонических слога, как в текстах-образцах (ἐν τῇ φάρετρα), – иначе говоря, артикль τῇ оказывается в данном колоне неуместным⁴², а перед ἐν требуется слог с ударением (- - - ἐν φάρετρα). Тем самым форма, место которой в *Ил* занимает слово нмена, скорее всего, представляла собой четырехсложный (менее вероятно – трехсложный)⁴³ οχυτοπον или περισπομενον – существительное, прилагательное, причастие или наречие.

Конкретное лексическое наполнение этих четырех слогов с трудом поддается разгадке. Абсолютно преобладающий в письменной традиции тропаря вариант нмена (как, впрочем, и разночтения: *Гр* еммена, *Ск* ты нменемъ, *Т105* нмене, *З* нменѣта, *Пан* нменнаа, *Хл 152* ραζουμѣнне, *Хл 164* скръвентъ, *НБКМ 902* нмана) не дает никакого смысла, а попытки соотнести его с парадигмами глаголов нматн или ѡтн до сих пор не приводили ни к чему, кроме конструирования фантастических форм типа *емлена* (Казанский 1865: 304)⁴⁴ или отдаленных конъектур типа нмѣа (Теодоров-Балан 1934: 63)⁴⁵; едва ли плодотворно и восстановление потенциально возможной, но нигде, насколько нам известно, не засвидетельствованной формы страдательного причастия от

⁴² „Praepositiva (i.e. articles, relatives, prepositions, etc.) are regarded as having no accent“ (Трупанис 1968: 166).

⁴³ Семисложный 3-й колон (с пропуском первого безударного слога) иногда наблюдается в тропарях на ирмос Θύσω σοί, ср. у Климентя Песнописца: ὀφθαλμόν, ἀκοήν τε; τὸν πιστόν σου οἰκέτην.

⁴⁴ Реальная форма, наиболее близкая к этой „эмендации“, – страдательное причастие наст. вр. ѡмлена (от нматн) – выражала бы трудно представимое в разбираемом контексте значение ‘(стрела), которую берут’. Создается, однако, впечатление, что переводчики тропаря на новоцерковнославянский и на болгарский все же воспринимают нмена / еммена, вслед за П. С. Казанским, именно как искаженную форму страдательного причастия прош. вр. – несуществующего и невозможного образования от презентной основы **ѡмлена – иначе нам трудно объяснить переводы ѡтаа (Службы: кѣ), атаа (Парфений: 63), „взета“ (Клим.: 567).

⁴⁵ Это действительное причастие муж. (или сред.) рода, букв. ‘имеющий (-ее)’, отнюдь не вносит в предложение „добър смисъл“, так как не имеет соотносительного существительного.

нмѣтн – **нмѣна ‘имевшаяся’⁴⁶ – и тем более прилагательного **нмѣнна в крайне странном для такого прилагательного значении действительного причастия наст. вр. ‘имеющаяся’ (Верещагин 2001: 376; Верещагин 2006: 876).

С. Ю. Темчин – единственный исследователь, у которого интерпретация колона, как и тропаря в целом, „не вызывает существенных затруднений“ (Темчин 2007б: 292), – в своей трактовке таинственной формы отталкивается от предположения, осторожно высказанного нами в издании Ильиной книги: „не имеем ли мы здесь дело с транскрипцией формы греч. прич. ἐιμένως (part. perf. pass. от ἵצי ‘метать, пускать’)?“ (ИК: 573). Критикуя эту догадку, литовский славист подчеркивает, что „предполагаемое значение толкуемой формы противоречит контексту (*стрела ... выпущенная в колчане)“ (Темчин 2007б: 294), – однако мы отнюдь не считаем (и не давали для этого оснований в 2005 г.), что форма, искаженная по спискам в нмѣна, синтаксически соотносится с последующим обстоятельством въ тоуль: оставаясь в пределах нашей гипотезы, столь воодушевившей С. Ю. Темчина, мы могли бы уточнить, что стрела ‘пущена в еретиков-врагов’ (с дат. падежом косвенного объекта). Впрочем, защита робкой догадки пятилетней давности вовсе не является нашей задачей: в настоящее время, исходя из сформулированных выше стихометрических требований к начальной форме 3-го колона, мы можем констатировать, что причастие ἐιμένον (сред. род) этим требованиям не соответствует.

Не отвечает им, однако, и новая трактовка, предлагаемая С. Ю. Темчиным. По его мнению, „текстология службы Кириллу Философу и правила текстологической работы вообще заставляют признать исходным написание ἐιμένα (на правах lectio difficilior), а наиболее распространенный вариант нмѣна считать вторичным уподоблением славянским лексемам (глаголу *иметь* либо даже существительному *имя*)“ (Темчин 2007б: 294)⁴⁷. Продолжая намеченный нами (ложный) путь поиска греческих источников загадочной формы, исследователь считает таким источником ἐιμένον – действительное причастие наст. вр. сред. рода от приставочного глагола ἐιμένω ‘оставаться, пребывать’⁴⁸, „удовлетворительно объясняющее как написание ἐιμένα Зографской минеи, так и смысл всего тропаря: “Ты явился избранной стрелой против врагов-еретиков, пребывающей в святом колчане<, > – ведь именно так написано пророком, сохраненной самим Богом и побивающей врагов”“ (Темчин 2007б: 294).

С формальной точки зрения интерпретация С. Ю. Темчина выглядит весьма соблазнительно: в самом деле, ἐιμένον и ἐιμένα – формы очень похожие. Непонятно, однако, почему „лексическое значение... причастной формы ἐιμένον оказалось книжнику неясным“ (Темчин 2007б: 294): глагол ἐιμένω неоднократно встречается в греческих текстах, входивших в основной корпус источников древнеславянской переводной литературы, – Апостоле, Паре-

⁴⁶ Согласно П. С. Казанскому (1865: 304), „имена нужно производить от *имать* или *емлю* и читать, удерживая ударение на первой гласной“.

⁴⁷ В действительности глаголу нмѣтн не может быть уподоблен ни один из вариантов: основа нмѣ- нигде не зафиксирована.

⁴⁸ В статье Крысько 2007а: 38 мы вывели из ἐιμένον ошибочную форму муж. рода ἐιμένος (вм. ἐιμένων).

мейнике, Толковой Псалтыри – и везде совершенно корректно переводится как жнѣн, прѣвзывати, прѣвзыти (SJS 1: 609; SJS 3: 406, 407; РГЦ: 167); в Евангелии посредством прѣвзы(ва)ти регулярно передаются другие глаголы с корнем -μév- (SJS 3: 406, 407), то же наблюдается и в минеях (WD: 159–160; ИК: 796). Остается предположить, что канон Кириллу переводил на древнеболгарский язык книжник, который настолько плохо владел греческим, что не смог распознать вполне элементарное слово; удивительно при этом, что ни в одном из тропарей, рассмотренных нами ранее, ему удалось не выдать своего невежества, – напротив, словоупотребление кирилловского канона отличается точностью и творческой близостью к греческим образцам. Конечно, в ранней славянской гимнографии известны – впрочем, немногочисленные – случаи, когда греческие слова оставались непереуведенными, – однако эти казусы относятся к предметной лексике, обозначениям реалий или сложных богословских понятий (см. Верещагин 2001: 272–278). Отмечены и факты очевидного непонимания переводчиком какого-либо слова – но в подобных контекстах появляются обычно не транскрипции, а вольные переводы „по смыслу“: так, например, прилагательное ἐτήσιος ‘ежегодный’ и соответствующее наречие фатально не давались переводчикам, которые либо смешивали их с αἰτήσιος ‘просьба’ и переводили как възпросьнѣн, възпросьнѣн, мольбьнѣн (WD: 284⁴⁹; Крысько 2007б: 130), либо произвольно заменяли такими псевдоэквивалентами, как радостно, славынѣн (Крысько 2007б: 130), велнкѣн⁵⁰.

Тем самым мы вынуждены *post factum* признать, что выдвинутая нами в 2005 г., до начала монографической работы над канонем Кириллу Философу, идея о транскрипции греческой причастной формы в виде нмена оказалась неудачной. Столь же неудачной является, на наш взгляд, и гипотеза о первичности написания ѣммена, хотя С. Ю. Темчин (2007б: 294) и полагает, что „ни палеографически, ни орфографически ѣммена не выводится из альтернативного варианта нмена“. Наши дальнейшие рассуждения носят неизбежно спекулятивный характер, но все же попробуем аргументировать противоположную позицию, согласно которой все варианты анализируемой формы в рукописях восходят к исходному написанию с нмен-

Какое слово могло находиться в протографе перевода и в греческом оригинале перед предлогом въз / ἐν? Сопоставляя синтаксическую структуру кирилловского тропаря с его гимнографическим образцом, мы уже имели возможность заметить, что параллелизм двух текстов нарушается, помимо начального **Ю**ко и заключительного причастного оборота, единственным отклонением – наличием обращения **лѣ**тер в тропаре Григорию Нисскому и отсутствием обращения в славянском тексте. Эта безадресность ставит исследуемое песнопение в едва ли не уникальное положение в кирилловском каноне: почти во всех тропарях, обращенных к Философу, адресат или прямо назван вокативными формами⁵¹ (блажене – 1.3, 3.1, 4.1, 5.1, 6.3, 7.1, 8.2, 8.3,

⁴⁹ Ни в WD, ни в издании декабрьской минеи причины такого перевода не установлены.

⁵⁰ Ср.: ἐλετήλουιν ἐορτήν ἐτήσιως – творачю • праздникъ велнкѣн (ПрС: 64в). Благодарим Л. В. Прокопенко, любезно сообщившую нам греческие параллели к текстам Пролога.

⁵¹ Далее цифры через точку означают номер песни и тропаря.

мѣдрѣ – 1.3, 5.1, 5.2, 7.3, блаженѣ коурнлѣ – 3.2, ксрнлѣ прѣвмѣдрѣ – 3.3, 5.3, оучнтелю – 7.1, 7.2, 9.3, оучнтелю блаженѣ – 8.1, оучнтелю сватѣ – 8.2, сватѣ – 9.1, фнлософѣ – 8.1), или/и обозначается личным и притяжательным местоимением (что в греческом обычно одно и то же; см. формы местоимения тѣи: 1.1, 1.2, 4.2, 5.2, 5.3, 6.1, 7.3, 8.2, 8.3, 9.1, 9.3, тѣон: 7.1, 9.3, сн: 7.1, свон: 5.1, 9.2, 9.3)⁵². Единственное исключение составляет 3-й тропарь четвертой песни (*Равьнѣж сѣщѣж), который первоначально, скорее всего, не имел отношения к новопрославленному святому (см. Крысько 2009б: 20) и во всяком случае лишен прямых ассоциаций с деятельностью Кирилла. Следует констатировать, что и разбираемый тропарь, не содержащий ничего, кроме общих мест, тоже связан с Философом чисто декларативно, – однако, в отличие от тропаря *Равьнѣж сѣщѣж, он восходит к греческому песнопению, *включавшему* форму обращения. Представляется маловероятным, чтобы книжник, создававший кирилловский канон и во всех установленных случаях парафразирования заменявший вокативы источников обращениями к Кириллу⁵³, только в тропаре 6.2 опустил звательную форму, которая наличествовала в его источнике.

Напротив – именно вокатив, на наш взгляд, и занимал место между предикативной частью предложения (*Ако стрѣла нзвѣрана ѡвнаса еретнкомѣ врагомѣ) и причастными оборотами (*вѣ тоуль... хранащнса...), как и в структурно близком тропаре 3.2 (*Цѣвьннца прнтѣчьна свата вѣ нетннѣ ѡвнаса, блаженѣ кѣурнлѣ, гласа намѣ съпасна... врацаѣ прѣкрасно...). Лексическое выражение этого вокатива скрывается за несколькими написаниями, связанными с корнем слова нма, – обычным нмена и индивидуальными разночтениями нменемѣ, нмене, нменѣта, нменнаа, нманна. Ближе всего к первоначальному чтению стоят написания *Г105* нмене и *Пан* нменнаа, восходящие к звательной форме *нменьне – от прилагательного нменьнѣ ‘именитый, знаменитый, замечательный’, зафиксированного И. И. Срезневским (Срезн. 1: 1094) в переводе Второзакония (26:19), ср. по рукописи Тр1 (нач. XV в., см. СК XIV: 556), 152а: і мѣжа створнть та іменьна і хвална і славна⁵⁴. Понимание лексического значения редкого слова обнаруживается в афонском списке *Z*, где отражена замена исходного прилагательного его однокоренным синонимом, хотя и с неверной флексией, – нменѣта⁵⁵. Исконный облик формы *нменьне изменился в результате падения редуцированных – т.е. еще до появления ~~в древнеболгарском языке конца~~

⁵² Аналогичная ситуация наблюдается в седальне и в стихирах.

⁵³ Ср. 1.3: Γρηγόριε > мѣдрѣ, блаженѣ, 3.1: Παύλε θεόφρον, ὅσιε > блаженѣ, 5.1: ὅσιε > блаженѣ, мѣдрѣ, 5.2: Γρηγόριε > мѣдрѣ, 7.1: ὅσιε > блаженѣ, 7.3: πάτερ > мѣдрѣ. В 5.3 и 8.3 обращения, которых нет в источнике парафразирования, добавлены – герср. кѣурнлѣ прѣвмѣдрѣ и блаженѣ. В 6.1 два заключительных колона с обращениями, присутствующие в тропаре в честь Павла Исповедника, при парафразировании не использовались.

⁵⁴ Более поздние примеры см. в СлРЯ 6: 228. Ср. также с приставкой прѣ-: свѣтлаа же н прѣмѣннаа [вар. прѣмѣньнаа, вм. прѣнменьнаа] цѣкѣ та достославна вѣ (ГА I: 142) – περιώνυμος ‘славная, знаменитая’ – СлРЯ 18: 239; в составе композитов: тожденменьнѣн н велнменьнѣн (ГБ, 266в – Срезн. 1: 240) – ὁμώνυμον ἐκεῖνοις καὶ μεγάλωνυμον.

⁵⁵ Ср. синонимию в композитах: велнкнменьна вѣньценосьца (Яг.: 332) – μεγάλωνυμοι στεφανηφόροι (MR II: 96); стрѣцн велнкнменнтнн (Яг.: 88) – ἄθλοφόροι μεγάλωνυμοι (MR I: 408). Как мы видим, догадка Е. М. Верещагина (2001: 376; 2006: 876) о том, что вместо нмена нужна конъектура *именита* ‘изрядная’, была шагом в правильном направлении.

~~Х в.~~ первых славянских письменных памятников: в форме возникла гемината – нменне (ср.⁵⁶: безименнъ, степеннаа, поустъиннъимн Син, непрѣстанна, непрѣмънно Супр, неповнннъ Зоґр, вецѣннаго Клоц и др.), а упрощение ее привело к появлению формы нмене (ср. поустъинън Син, подьзаконымъ, нстнномъ, деннца Мак, безаконнкомъ Григ)⁵⁷. С другой стороны, к последовательности ен перед н с наибольшей вероятностью восходит написание ѡ в нмѡна *НБКМ902* (ср. зѡврнѡ на месте зѡмврнѡ в *Гр*, тропарь 4.2). Дальнейшее затемнение первоначального написания могло происходить при помещении н над строкой как выносной буквы без повторения ѣ (т.е. нмѣ, ср. рѣ), откуда уже совсем короткий путь до неверного раскрытия сокращения – нмена. Еще один возможный путь искажения – вынесение одной из н при сохранении второй в строке (нмене, ср. поустъиннѡ Ас 141а 18 – SJS 3: 512), что, с учетом сходства выносных н и м, могло привести к раскрытию сокращения как геминаты мм. Что же касается начальной ѣ в списке *Гр*, то ее, думается, можно объяснить смешением ѣ с н, которая при небрежном письме (несколько закругленная правая мачта и перекаладина, выходящая за мачту) вполне может быть принята за ѣ – см., например, начертания н и ѣ в среднеболгарской Погодинской псалтыри рубежа XIII–XIV вв. или начала XIV в. (Лавров 1904: табл. IV; Турилов 2009: 327, 347–348)⁵⁸. Нельзя, наконец, исключить и того, что писец *Гр*, не понимая (как и все другие писцы дошедших до нас списков) искаженного рефлекса исходной формы, присутствовавшего в его антиграфе, – нмена, решил блеснуть знанием греческого и действительно транслитерировал форму, похожую на нмена и дающую, в его представлении, хоть какой-то смысл – **ἐμμένω... Впрочем, все эти попытки объяснить ошибки, может быть, и излишни: далеко не всякое искажение в рукописях подчиняется „правилам текстологической работы“, и никакими рациональными правилами, сформулированными по известному принципу „Die erste Kolonne marschirt...“⁵⁹, нельзя объяснить, например, такие замены в списках осенних миней, изданных В. Ягичем, как оумьнъ вместо правильного сънъмъ ‘сном’, нспънънъ съоудъ вм. отъсоудоу, нндомъ вм. ндъмъ (Яг.: ХС–ХСII), или регистрируемые по спискам кирилловского канона ляпсусы типа прнчнмн, прнчтн вм. прнтъчънамн, съ пѣсьмн вм. спѣсна, сваѡомъ вм. звѡкомъ, Кропленнемъ вм. Копниемъ, вгнънн вм. н онъ, нзѡвншн • ротоѡж вм. нзѡвн шнротоѡж, зстроеннемъ вм. остроотоѡж, оустн вм. сватън (ИК: 562–583).

Не понимая трудного слова или, по крайней мере, не сознавая его отнесенности к Кириллу, писцы чаще всего ассоциировали его по форме со словом стрѣла, чем и объясняется флексия жен. рода -а, наличествующая в большинстве списков; при этом отнюдь не очевидно, что форма нмена всегда вос-

⁵⁶ Далее приводятся примеры из древнеболгарских и среднеболгарских памятников, представленные в соответствующих статьях SJS, с сокращенными обозначениями источников, принятыми в этом словаре. Поиск прилагательных на -ннъ осуществлялся по обратному словарю в издании Indexy: 170.

⁵⁷ Ср. также примеры упрощения геминаты в соседних словоформах в древнеболгарских памятниках: въ ѣдномъствѣ Евх, въздыханъмоимъ ПсСин, мъздамногамъ Супр (Diels 1932: 140).

⁵⁸ Выражаем признательность А. А. Турилову за палеографические и археографические консультации.

⁵⁹ См.: Т о л с т о й, Л. Н. Война и мир. Т. 1. Ч. 3, гл. XII.

принималась как относящаяся к парадигме существительного нма: ударение на *ε*, представленное в среднеболгарской рукописи *НБКМ140* и противоречащее нередко фиксируемому при имен. пад. мн.ч. нмена начальному ударению (нмена – Основы 1990: 211), как и отсутствие ударения в некоторых других акцентуированных рукописях – *Ц, Поч*, свидетельствует против такого отождествления.

При слабой документированности прилагательного нменьнъ не приходится удивляться, что в роли вокативного эпитета в гимнографических текстах оно вообще не отмечено, хотя синонимичное нменнтъ в такой функции все же иногда наблюдается – обычно, правда, в составе двусловных славянских соответствий к греческим композитам, ср.: нстнньно нмените стефане (Яг.: 201) – φερώνυμε (MR I: 551) ‘знаменательно именованный’; ннкнто нстнньнъ нменнте (Т110, 10v) – φερώνυμε (MR IV: 243); Бл̄ [вар. господа] рожьшн всемс • д̄во гже нменнта̄ [вар. господонменнта̄] (Яг.: 497)⁶⁰. В других контекстах нменнтъ, как правило, используется для передачи греч. ὀνομαστός⁶¹ – и такая же параллель устанавливается для нменьна в уже цитированном тексте Втор. 26:19: ὀνομαστόν. В гимнографических произведениях ὀνομαστός хотя и редко, но встречается: Ὀνομαστός δι’ ἀρετὴν καὶ διαβόητος πᾶσιν ἀλεφάνθης, Θεοδόσιε μάκαρ (АНГ XII: 125) букв. ‘Знаменитым добродетелью и известным всем ты объявлен, Феодосий блаженный’; Τὸν μέγαν ἐν μάρτυσι... τὸν ὀνομαστότατον καὶ περιβόητον... μέλψω Θεόδωρον (TR: 211) ‘Великого в мучениках, именитейшего и знаменитого воспою Феодора’. Тем самым искомый четырехсложный охуτοпн в начале 3-го колона, соответствующий вокативу *нменьне, может быть восстановлен в виде *ὀνομαστέ (ср. употребление этой звательной формы в письме императора Феодора II Ласкариса к Сенахириму и Андронику: ὁ Συναχηρεῖμ κάλλιστε πολλοῖς καὶ λόγοις ὀνομαστέ τε καὶ πράξεσι, καὶ Ἀνδρόνικε τῆς γραμματικῆς ἀκριβείας διάδοχε).

Данная реконструкция, в свою очередь, вносит ясность относительно статуса предшествующего словосочетания – становится очевидным, что формы *αἰρετικοῖς τοῖς ἐχθροῖς зависят не от последующего обращения (*ὀνομαστέ), а от предыдущего глагола *ᾠφθης, как и славянские еретнкомъ врагомъ – от ѡвнса.

После формы тжлъ, в начале 4-го колона, древнейший список тропаря демонстрирует род. падеж мн.ч. (ст̄хъ), а остальные восточнославянские и ряд южнославянских списков – твор. падеж мн.ч. (С̄ сватъинн). Оба эти варианта, хотя грамматически и безупречны, с богословской точки зрения весь-

⁶⁰ Греческий источник этого богородична неизвестен (см. Stern 1: 79), однако сходный контекст: Κύριον τοῦ παντός, κυριώνυμε, τέτοκας (PG 87/3: 3916) – позволяет заключить, что в обращении фигурировала форма κυριώνυμε ‘properly or aptly named’ (Lampe: 788).

⁶¹ Так, в частности, в переводах Быт 6:4 (ПарГр: 117, Тр1, 5в), Соф 3:19–20, Ис 56:5 (Тр89, 40v, 105v), в Пандектах Антиоха (ПА: 105), а также в трех цитатах из Пандектов Никона Черногорца, двух – из Слов Григория Богослова и одной – из Синайского патерика, помещенных в Картотеке СДРЯ s. v. *именитыи*. В Скитском патерике, как любезно сообщил нам У. Р. Федер, параллелью к нменнтъ в одном случае (ПатСк: 1456) является ἐλίσημος, в остальных трех – ὀνομαστός. Иногда ὀνομαστός переводится как нарочнтъ: так в Числ 16:2 (Тр1, 120v) и дважды – при передаче превосходной степени ὀνομαστότατος в Хронике Георгия Амартола (ГА 1: 73, 248). В „Богословии“ Иоанна Дамаскина, переведенном Иоанном экзархом Болгарским, словом нменнтъ передано περιώνυμος (ИЭБ 3: 10).

ма сомнительны: в версии *Ил* Кирилл уподоблен стреле в колчане „святых пророков“ (вз тѣлѣ стѣхъ прркъ), по версии *С* эта стрела хранится „святыми пророками“ (вз тоуль святѣимн пророкы • ѿкоже пишеть • хранѣн<са>); и то, и другое чтения явно противоречат словам Исаии, в которых Раб Божий (отождествленный христианами с Христом, см. Библия 1989: 2005) призван и оберегаем самим Господом, а не пророками. Более предпочтительным кажется вариант *Гр* (= *Z*, *НБКМ895*, *Хл152*, *Хл166*, *Хл164*, *Р*) – стѣмъ < *сватѣмъ, с прилагательным, согласованным с тоуль. В соответствии со слав. *(вз тоуль) сватѣмъ для греческого текста реконструируется *(ἐν φαρέρτρα·) τῆ ἀγίᾳ, с закономерным артиклем в позиции перед определением и ударением на третьем слоге, согласно ирмосу (ἐκ δαιμόνων λύθρου κεκαθαρμένη).

Дальнейший текст колона вновь восстанавливается с опорой на чтение *Гр* пррчскы (= *Z*, *НБКМ895*, *Хл166*, *Хл152*, *Хл164*) – т.е. в виде *пророчьскы: не говоря уже о том, что альтернативные чтения пророкъ и пророкы создают сложности богословского порядка и тем самым должны быть интерпретированы как результат переосмысления и искажения, наречие, сохраненное упомянутыми списками, соответствует источнику парафразирования (профетикῶς), а форма профетикῶς, в свою очередь, вполне вписывается в рамки ирмоса. К исконному чтению восходит вариант *Ск* пророческимъ, с таким же „наращением“ флексии, как и в представленной только этим списком форме нменемъ < нмене < *нменьне; иное искажение отражено в *Р* – прркъ (как подлежащее при пишеть).

Оборот ѿкоже пишеть не содержит по спискам никаких разночтений (за исключением обесмысливающего выпнаше в *Хл164*), хотя реконструкция его греческого прототипа допускает варианты. Подобное безличное употребление формы пишеть в значении ‘пишется’ известно уже старославянским памятникам: онъ же отъвѣштавъ рече • пишеть • не о хлѣвѣ еднномъ пожветъ чкъ Зо҃гр: 2 (Мф 4:4); в греческом здесь фигурирует перфектный медиопассив γέγραπται, однако непосредственным аналогом славянской формы является использование активной формы наст. вр. γράφει в специальном значении ‘it stands written [sc. in scripture] and hence is authoritative’ (Lampe: 324; Крысько 1995: 466; Večerka 1993: 408–409; 1996: 215), ср. в греческой поэзии – у Романа Сладкопевца: Ταῦτα ἐν Βαβυλῶνι ἐγένετο, ὡς γράφει, ὅτε αἰχμαλωτίσθησαν οἱ Θεὸν παροργίσαντες, у Феодора Студита: ὁ Θεὸς ἀπέκλεισε κατὰ αὐτοῦ, ὡς γράφει. Встречается и постанова ὡς после других слов вводного оборота: ὁ Πίνδαρος ὡς γράφει (Иоанн Цеца); νοητῶς ὡς γέγραπται (MR II: 204) – разумно ѿкоже / ἐ \ пнсано (Тр492, 215–216); ψαλμικῶς ὡς γέγραπται (АНГ III: 204, VIII: 362). В ноябрьской минее вводное ѿкоже пишеть соответствует греч. φησιν букв. ‘говорит’, ср.: Се что добро или что красно • нъ тѣчью еже жити • ѿкоже пишеть нзинъ братома възкоупъ (Яг.: 277) – Ἴδοὺ δὴ τί καλὸν ἢ τί терπνόν, φησιν, ἀλλ’ ἢ μόνον τὸ οἰκίζεσθαι νῦν ἀδελφοὺς ἐν ὁμοιοίᾳ (MR II: 13); в сентябрьской минее рассматриваемая конструкция (правда, в составе личного предложения: ѿкоже пишеть мосн Яг.: 0128) передает греч. ὡς γράφει (АНГ I: 253). В то же время для возвратного пишетьса в качестве источника обычно выступает перфектный пассив: ѿкоже пишетьса н вз нѣвѣ (Изб 1: 528) – ὡς γέγραπται

(Изб 2: 61); Твора⁴ англы твоѧ дхъи • ѧкоже пишеться (Яг.: 323) – Ὁ ποιῶν τοὺς Ἀγγέλους σου, ὡςπερ γέγραπται, πνεύματα (MR II: 73); аналогично – ПатР: 410–411; другой способ перевода этого пассива – конструкция со страдательным причастием: ὡς γέγραπται (MR I: 147) – ѧкоже писано есть (Яг.: 0113); καθὼς γέγραπται – ѧкоже есть писано (MF II: 154–155); περὶ σοῦ ὡςπερ γέγραπται (MR IV: 412) – о тебе же писано есть (Т110, 107r). Учитывая грамматическую близость перевода кирилловского канона к реконструируемому греческому оригиналу, мы можем со значительной степенью уверенности восстановить для этого оригинала в соответствии с ѧкоже пишеть – *ὡς γράφει, что совпадает с парокситонированным завершением 4-го колона в ирмосе (κεκαθαρμένη).

В следующем далее колоне, где согласно источнику парафразирования (σκελόμενον) ожидалось бы пассивное образование – трансформ активной формы библейского первоисточника (ἐσκελάσεν), большинство списков (17 из 25) демонстрирует разные вариации *действительного* причастия от хранити. Эти варианты, впрочем, могут быть сведены к двум основным формам – естественной при стрѣла форме имен. падежа ед.ч. жен. рода: *С, Т104, В, Т98, Т105, Др, Пан, Пал, Л, НБКМ141, Вар, Пог, Поч* хранащн, Ц -щн (с последующим союзом н)⁶² – и ни с чем не согласующейся форме на -е, которая может интерпретироваться либо как исконный имен. падеж мн.ч. муж. рода, либо как инновационный имен. падеж ед.ч. сред. рода (см. Вайан 1952: 154): *Ил, НБКМ902* хранаще, *НБКМ140* хранещен (с точкой после н, что, по-видимому, является искажением вместо хранеще • н). В восьми рукописях, содержащих очевидно первичный возвратный глагол, также представлены разные родовые формы: пять раз – жен. род хранащнса (*З, Хл152, НБКМ895, Хл166, Р*), по одному разу – двусмысленная форма -щеса (*Ск*), однозначная членная форма имен. пад. ед.ч. сред. рода -щеса (*Гр*) и многозначная до бессмысленности форма -щесе (*Хл164*). Как мы видим, правильный жен. род засвидетельствован в 19 списках из 25. С. Ю. Темчин (2007б: 295), однако, считает первоначальной форму сред. рода, ошибочно утверждая, что она „сохранилась в большинстве списков службы Кириллу Философу“, тогда как „лишь восемь рукописей отражают вторичную (осуществленную позднейшими переписчиками) замену среднего рода на женский, устранившую допущенный переводчиком аграмматизм“⁶³. Эти арифметические неточности призваны подкрепить убежденность вильнюсского исследователя в том, что переводчик канона, не знавший элементарных греческих слов и не чуравшийся транскрибирования непонятных форм (хотя и осознававший соотношенность стрѣла с непонятным еммена), не уловил грамматической связи между ‘стрела’ и ‘хранящаяся’, явствующей из текста Исаии (ὡς βέλος... ἐν τῇ φαρέτρᾳ αὐτοῦ ἐσκελάσεν), и потому „сохранил в переводе средний род, уместный в греческом, но не в славянском тексте“ (т.е. согласование с neutrum βέλος). „Угождение форме греческого подлинника“ в нарушение „законов славянского языка“ хорошо известно уже по осенним минеям (Яг.: LXXIX–LXXXI), однако в кирилловском

⁶² В этом сербском списке удвоение ѧн встречается неоднократно, ср. прострѣлающн в конце разбираемого тропаря, съкроушмающн в богородичне 9-й песни.

⁶³ Заметим, что все 19 списков с формами на -щн перечислены в ИК: 574.

каноне мы еще ни разу не сталкивались с таким рабским следованием оригиналу. С. Ю. Темчин (2007б: 295) полагает, что, постулируя первичность жен. рода, мы не можем „объяснить причины появления в некоторых списках альтернативных форм среднего рода, не имеющих опоры в славянском тексте и нарушающих его синтаксическую структуру“. Между тем утрата причастиями склонения и распространение внеродовых форм (в частности, на -е) – процесс, затронувший разные славянские языки и широко отраженный в том числе и в списках кирилловской службы: так, например, в третьем тропаре седьмой песни вин.-род. ед.ч. муж. рода *нѣстѣчнѣ* (либо *вин.-имен. нѣстѣчнѣ Хл166*) по разным спискам соотносится с синтаксически однородными причастиями, оканчивающимися не только на -ца, но и на -ци, -це, -цю, -ца (нападающѣ *Пан, НБКМ902, Р, Л, НБКМ141, Вар, Поч*; -це *Пал, Ц*; -цю *Хл166*; напада *Ск*; испльнѣющѣ *НБКМ895, Хл166, НБКМ902, Л, НБКМ141, Вар*; -це *Хл152, Пал, Пог, Поч*); в богородичне девятой песни с вин. падежом мн.ч. *врагы* корреспондируют формы *оскрѣвляющѣ Т104, Др, Ск, Хл152* и *оскрѣвѣжще Пал* (см. Крысько 2007а: 40; 2009г: 111, 113); в том же *Гр* при существительном жен. рода *памѣ* фигурирует причастие муж.-сред. рода *показавъ* (л. 1г; Григорович 1865: 243–244), в тропаре 4.1 (*Копнемъ словесъ*) выступает ни с чем не согласованное причастие *ѡмѣтѣащеса*, в 5.3 начальное причастие *Прѣплаважщю* не согласуется с заключительным предикатом *вшель еси*, а в службе Мефодию и Кириллу форма *сѣхранше* поставлена среди однозначных форм дв. числа (*стадо ваю стое... сѣхранше растнѣа 10v*; Григорович 1865: 257).

Вообще следует заметить, что „Григоровичева“ или „Добрианова“ *миня*⁶⁴ (*Гр*), которая, по словам С. Ю. Темчина (2007б: 294), „признана списком, лучше иных отражающим текст... несохранившегося протографа рассматриваемого произведения“, в действительности и не „признана“, и не является таковым. Мнение С. Ю. Темчина о „признании“ основывается на несколько искаженном восприятии слов Б. Райкова, который, выбирая в качестве эталона „един от най-старите и пълни преписи“, отметил, что „за такъв условно (! – *В. К.*) е приет Зографският препис от XIII в., публикуван от Григорович“ (Райков 1969: 215), а в более поздней статье указал, что „в най-пълен и чист вид... първична, старинна редакция е запазена в Григоровичовия (български) препис от XIII в. и във Востоковия (руски) препис от XII в.“ (Райков 1993: 9). Не говоря уже о том, что список *В*, о котором С. Ю. Темчин предпочитает умолчать, ни малейшим образом не поддерживает его текстологических построений (ср.: *имена, стѣми пррѣкы, хранѣщи и*, отсутствие формы *врагы*), список *Гр* также едва ли может считаться „в текстологическом отношении минимально отстоящ[им] от гипотетического протографа“ (Темчин 2007б: 291) – ср., например, такие явно вторичные чтения, как *напнтѣса* *вм.* *напнтѣса (1.1), лишнее *въсемъ мѣроу* *вчѣтелъ* (1.3), *прѣтчамн стѣмн* *вм.* *прнтѣчна, *льсть прогналь еси* *вм.* *сѣна отъгона (3.2), *златоглнвѣа* *вм.* *глаголнѣа (3.3), *прѣселеннемъ* *вм.* *прѣселѣннѣкъ (4.1), *принесль* *вм.* *пронъзлъ (4.2), *поданнѣ* *вм.* *подобню, добавление

⁶⁴ Службы Кириллу и Мефодию и Кириллу входят в число отрывков БАН, 24.4.12, подаренных В. И. Григоровичем И. И. Срезневскому и являющихся частью рукописи, которая хранится в Одессе (ОГНБ, 1/4 (17)) и содержит запись писца Добриана (СК XI–XIII: 303).

снове свѣтоу и нетни наследници (4.3), всажденна вѣ. *отъреченна (4.4), глабниѣ нсоуши • наводненыѣ вѣ. *глабниѣ нсѣчи наводныѣ (5.1)⁶⁵, лишнее не перед нзнемагаѣ (6.1) и мн. др. Письменная традиция кирилловского канона в целом не подтверждает расхожих представлений о „лучшем списке“⁶⁶: ни один из 25 списков не дает не только всей совокупности очевидно первичных чтений, но даже и большей части таких чтений.

Появление аномальных форм с элиминацией постфикса уже в ранних списках канона (хранаѣн, хранаѣе) может быть связано с попытками выровнять слоговую структуру 5-го колона после перехода от исконного ирмоса (Θύσω σοι) ко вторичному (Ἰηθον εἰς τὰ βάθη): если в первом случае изначальная четырехсложная форма хранаѣнса, образующая колон, была изосиллабична ирмосу (τῷ δι' οἴκτου), то во втором колон ѣкоже пишеть хранаѣнса оказался на три слога длиннее, чем его образец. С другой стороны, допустимо предположить и чисто графическую причину утраты постфикса – вынесение над строкой и пропуск выносной буквы при последующей переписке (с такой механической потерей -са мы уже неоднократно сталкивались в других тропарях, ср. 1.1: свѣта ѣвлѣа *Гр* вместо *свѣтъ са ѣвн; 4.1: вкраснѣ *Хл152, Ц, НБКМ902* и др. вѣ. *оукраснѣса; облетаа *Пал, Др, Хл164, Ц, Пог, НБКМ902* и др. вѣ. *облестаѣса; 4.2: прѣложн *Ск* вѣ. *прложѣса; ѣвѣшаго *Пал, ѣвѣшн НБКМ902* и др. вѣ. *ѣвѣшаса; 5.1: оукрашь *Хл152* вѣ. *оукрашышнса). Весьма ранней порче текста, включающей искажение флексии, могло способствовать и непонимание рефлексов звательной формы *нменьне – так, писец *Ил* (или ее антиграфа), скорее всего, – как и современные толкователи – испытывал сложности с интерпретацией переписываемых им темных строк нмена въ тѣлѣ стѣхъ прѣкъ ѣкоже пишеть, а потому нисколько не затруднился поставить „нейтральную“ флексию в причастии хранаѣе, неизвестно к чему относящемся. Вариант *Гр* (хранаѣееса), в свою очередь, отражает „осмысление“ искаженного написания – придание амбивалентной форме на -ѣе неправомерной членной флексии -ее, которая окончательно превращает ее в форму сред. рода.

Хотя глагол хранити нередко используется для перевода φυλάττω, греческий источник формы *хранаѣнса не может быть реконструирован в виде φυλάττομενον (Темчин 2007б: 294): эта параллель не укладывается в рамки четырехсложного колона с ударениями на 3-м или 2-м слоге⁶⁷. Не исключено, что причастие в оригинале кирилловского тропаря могло сохранить тот облик, в каком оно фигурирует в тропаре Григорию Нисскому, – σκελόμενον. Уязвимость этой реконструкции состоит, однако, в том, что в нашем распоряжении нет материала, который мог бы подтвердить эквивалентность глаголов σκέλω и хранити (ср., впрочем, выше о соответствии сънымъ – στίφος). В нескольких известных нам случаях употребления σκελόμενος в гимно-

⁶⁵ Обоснование прототипических чтений см. в статьях Крысько 2008; 2009а; 2009б; 2010.

⁶⁶ Ср. справедливые слова Д. С. Лихачева (2001: 494): „Механическое следование определенным навыкам текстологической работы, механичность... в выборе “основного списка” – бич текстологии“.

⁶⁷ Колонны с большим количеством слогов изредка встречаются, однако с ударениями на последнем или предпоследнем слоге: ὁ Ποιητά μου (PaR: 320); ὡς μαθητῆς Χριστοῦ (АНГ XII: 269).

графии славянский перевод дает соответствие *покрываемъ* или *покрываѣса*: Ὑπὸ Θεοῦ σκελόμενος (MR II: 182) – Бмъ покрываемъ (Яг.: 398), θεία σκελόμενος χάριτι (MR III: 243) – вѣтвною покрываемъ блгдтью (Т100, 121r), θυρεῶ σκελόμενος – щнтъмъ покрываѣса (MD I: 596)⁶⁸; причастием *покрываемъ* переводится σκελόμενος в значении ‘спасаемый, защищаемый’ и в других текстах (ПсЧ, 54v; СДРЯ 7: 56–57; см. также РГЦ: 417). Отмечено соответствие активной формы греч. σκέλειν (MR IV: 340) и слав. покрывати (Т110, 68v). Приставочное образование περισκελόμενος в одном и том же контексте переведено в декабрьской минее как покрываѣса (MD II: 414), а в апрельской – как защищаѣса (Т110, 21v, ср. MR IV: 260). Наконец, оборот σκέλε περιφρούρει те ἡμᾶς (MR IV: 401) передан в апрельской минее как хранати н покрыван нзи (Т110, 98v), однако и здесь не может быть речи о прямом соответствии σκέλω – хранати, так как в переводе просто поменялись местами греческие лексемы ‘покрывать’ и ‘охранять’. В то же время последний пример показывает, что посредством хранати мог переводиться глагол φρουρέω ‘охранять’ и производные, и действительно – параллель хранати / φρουρέω зафиксирована в целом ряде источников (см. РГЦ: 482; ИК: 865; ГА 3: 196), причем глагол нередко означает действие Бога, как и в разбираемом пассаже: цркы хва вѣржищн чытеть тебе • съзвѣше хранатищмоу ѿ – τὸν ἄνωθεν αὐτὴν φρουροῦντα (ПМ: 136, 137); съхранаѣмаго вѣнню блгдтью (Яг.: 444) – τὸν φρουροῦμενον... θεία χάριτι (MR II: 256); вѣнню хранимъ державною рочкою (ЖВИ, 82v) – τῇ τοῦ Θεοῦ φρουροῦμενος κραταλόατῃ χειρί. Думается, все эти факты дают основание реконструировать для 5-го колона греческого текста форму сред. рода *φρουρούμενον.

Далее следует заключительный отрезок текста, не имеющий соответствия в тропаре – источнике парафразирования. В большинстве списков этот колон открывается союзом *н*, который соединяет два причастных оборота, соотносящихся со стрѣла, – оборот, восходящий к источнику, и оборот, добавленный автором кирилловского тропаря. В трех списках союз отсутствует и причастия оказываются связанными бессоюзно. В *НБКМ140*, как было показано выше, это бессоюзие скорее мнимое, поскольку *н* механически присоединено к предшествующей форме хранѣще. В *Хл152* союз устранен в связи с переосмыслением и искажением следующего слова – на месте практически повсеместного твор. падежа субъекта вожьствомъ этот список демонстрирует форму мест. падежа притяжательного прилагательного вѣннѣ, очевидно, согласованную с точмъ, а дальше через запятую идет причастие прострѣлаѣщн, что в итоге создает весьма неуклюжую синтаксическую конструкцию. В *Ск* синтаксис несколько более упорядочен за счет унификации форм агенса, однако исходный облик текста также искажен: нменемъ пророческымъ. ѿкоже пншетъ: хранѣщеса вѣтвомъ прострѣлаѣщн – т.е. в этой версии стрела „хранится“ пророческим именем. Наконец, в *Гр* союз перенесен на одно слово правее, между вѣтвомъ и *н* поставлена точка, а причастие, которое во всех списках

⁶⁸ Подача соответствующего материала в „Словаре“ к декабрьской минее может служить хорошей иллюстрацией *modus operandi* автора словаря: в греческо-славянской части глагол σκέλω отсутствует (WD: 341), а в славянско-греческой части (WD: 139) с леммой покрыватиѣса соотнесены греч. σκελόομαι и περισκελόομαι (вм. σκέλω и περισκελω), причем номер текста, в котором находится второй из примеров, приведен неверно – 14.30 вм. 14.36.

завершает тропарь, приобретает дополнение – прострѣльѣще врагы. П. С. Казанский (1865: 304) счел, что конец тропаря „вернее в списке Григ., нежели в синодальном“, мы в 2005 г. присоединились к его трактовке: „в *Гр* союз находится после *вѣтвомь* • – вероятно, в соотв<етствии> с первонач<альным> текстом, в кот<ором>, как можно предположить, этим союзом соединялись два прич<астных> оборота – *(стрѣла) въ точлѣ сватѣмь хранащнса вожьствомь н прострѣльѣщн врагы“ (ИК: 574). И в самом деле – глагол прострѣльѣти, который в значении ‘поразить стрелами (о действии, направленном на многие объекты, в разных точках пространства или в разные моменты времени)’ (СлРЯ 20: 240) обязательно требует дополнения („кого?“), без дополнения выглядит семантически и синтаксически недостаточным.

Попытка реконструировать греческий текст, которому могла бы соответствовать версия *Гр* *(хранащнса •) вожьствомь н прострѣльѣщн врагы, приводит к вполне удовлетворительному результату. Принимая во внимание то обстоятельство, что почти все списки используют в последнем колоне форму вожьствомь⁶⁹, мы, думается, вправе восстановить данное чтение и для исходного текста. Греческим эквивалентом к нему может быть только какая-нибудь косвенно-падежная форма слова θεός; исходя из контекста, где Бог выступает как семантический субъект действия, допустимо реконструировать здесь форму датива *(τῷ) θεότητι⁷⁰. Для прострѣльѣщн С. Ю. Темчин (2007б: 294) условно (с оговоркой „типа“) предложил реконструкцию καταβάλλον ‘(стрела) убивающая, поражающая’ (в его малоудачном переводе – „поби- вающая“); славянско-греческие лексические параллели свидетельствуют о том, что такой перевод вполне возможен, ср.: състрѣльѣти – καταβάλλω (SJS 4: 340), острѣлн ꙗ въ деснзын съсець (ГА 1: 93) – κατέβαλε. Наконец, словом врагъ обычно передается греч. ἐχθρός (SJS 1: 218; WD: 27; ИК: 689). Если совместить все реконструированные параллели в одном колоне, мы получим следующую строку: *τῷ θεότητι καὶ καταβάλλον ἐχθρούς. Этот колон, правда, не отвечает требованиям ирмоса Θύσω σοι, в котором последний колон имеет ударение на 3-м слоге с конца (ἐκ τῆς πλευρᾶς σου ρεύσαντι αἵματι), однако если в качестве образца избрать не 11-сложный колон ирмоса, а варианты 12-сложные колоны с конечным ударением (например, τοῖς πιστῶς σε τιμῶσιν ὀπλίτην Χριστοῦ АНГ XI: 150)⁷¹, то искомое стихометрическое сходство будет достигнуто.

В этих условиях приходится только удивляться, почему же 24 списка кирилловского канона из 25 элиминировали столь необходимую именную форму *врагы, а в 21 списке произведено еще и перемещение союза, вводившего заключительный причастный оборот. Едва ли на лексический состав финального колона мог так радикально повлиять переход от Θύσω σοι ко вто-

⁶⁹ Чтение *Пан* вѣтвнымь, не соотносящееся ни с каким существительным, явно производно от вожьствомь; вгѣмь *Хл164* представляет собой упрощение первоначальной формы; о вжнѣ *Хл152*, вторично соотношенном с точлѣ, речь уже шла выше.

⁷⁰ О дательном при пассиве на месте более древнего ὑπό τινος см., например, Blass/Debrunner 1949: 88–89.

⁷¹ Ср. также: καὶ θανὼν ἀνατρέπει τὸ ψεῦδος σφοδρῶς (АНГ II: 183); ἐπὶ γῆς τοῦ δεσπότη φανέντος σαρκί (АНГ IV: 294).

ричному ирмосу ἦλθον εἰς τὰ βάθη: различие в количестве слогов между строками *божеством и прострѣльмищн врагы (12), с одной стороны, и τὴν ζωὴν μου, πολυέλεε (9) или τὸν ζυγὸν τὸν τῆς δουλείας ἡμῶν (MR III: 309 – 10) – с другой, не так существенно, чтобы подвинуть книжников (уже на очень ранней стадии бытования текста) на сокращение столь значимого последнего слова, обесмысливающее текст. Естественнее было бы ожидать иных изменений, не затрагивающих смысла, – например, замены *божеством* на *богом* (как в *Хл164*). Симптоматично, что форма *врагы* присутствует в списке, где ирмос выписан в виде *Прндѣ въ глѣбнны* (т.е. ἦλθον εἰς τὰ βάθη) и где она, следовательно, метрически неуместна, тогда как в древнейшем списке, сохранившем указание на исконный ирмос, – *Ил* – дополнение как раз отсутствует. Заслуживает внимания и тот факт, что вариант *Гр* нарушает стилистическую цельность текста, так как вносит в него тавтологию – повторение уже фигурировавшего выше объекта „враги“: согласно этой версии, Кирилл „явился еретикам-врагам“ как стрела, „поражающая врагов“.

Таким образом, ни стихометрические соображения, ни реконструкция гипотетического греческого оригинала не дают достаточных аргументов в пользу первичности изолированного чтения *Гр*, дополняющего финальный колон аккузативной формой *врагы*, и, главное, не позволяют объяснить устранение, казалось бы, необходимого объекта. На этом фоне единые показания всех остальных списков скорее склоняют к мысли о том, что анализируемое песнопение изначально завершалось формой *прострѣльмищн*. Весьма незначительная вариативность в оформлении этого полупредикатива (*Др* -нн, *Ц* -щн; *Гр*, *Ск*, *НБКМ140* -щ⁷²; *Хл164* -щл; *Пал* пос-), и в частности отсутствие каких бы то ни было следов *са* (ср. варианты с постфиксом и без него при *хранащн*), вынуждает отказаться и от идеи о пропуске возвратного компонента – хотя реконструкция такого элемента при форме *прострѣльмищн* вполне могла бы, изменив ее залоговую отнесенность, придать осмысленность всему контексту: допущение возвратности обоих глаголов, заключающих тропарь, означало бы, что стрела, которой уподоблен Кирилл, „хранится в святом колчане“ и „выстреливается Божеством“.

Между тем выявление *са* в тексте возможно и без всякого насилия над письменной традицией. По нашему мнению, введение в последний колон тавтологического дополнения, осуществленное в списке XIII в., обусловлено непониманием исходной весьма архаичной конструкции, в которой одно *са* обслуживало две однородные возвратно-пассивные формы – *хранащнса* и *прострѣльмищнса*, т.е., буквально, ‘храняемая и выстреливаемая’. Эта праславянская особенность возвратных глаголов – способность обходиться одним возвратным показателем при двух рефлексивах – уже давно отмечена и в древнеболгарском, и в древнерусском, и в древнечешском, и в древнепольском, и в других славянских языках (см. Navránek 1928: 178–180; Вайан 1952: 385; Гавранек 1963: 59–60; Крысько 1995: 472–473; Зализняк 2008а: 68–69; Зализняк

⁷² Как мы видим, финаль -щ^е, вопреки С. Ю. Темчину (2007б: 295), наблюдается не только в „особо архаичном“ списке *Гр*, но и в списках, характеризующихся, как *Ск*, существенными искажениями текста.

2008б: 191–192). Хотя большинство примеров амбивалентного *са* сводится к двум типам (оба глагола выражают собственно-возвратное, взаимно-возвратное или общевозвратное значения либо по крайней мере один из глаголов не имеет невозвратного коррелята – Крысько 1995: 473), в некоторых контекстах наблюдаются и страдательно-возвратные глаголы, ср.: *твоє во поєтѣ са • ѿ велнчнтѣ • отъ всего дѣханнѣ... прѣстоє нма* (Евх, 51b21–24) – *ὕμνεῖται καὶ μεγαλύνεται* ‘воспеваётся и возвеличивается’; *н въ тѣмннцѣ вѣннтн отѣмштѣтѣ са • хранаште са не оскверннтн* (Супр, 432,7–8) – *φυλαττόμενοι μὴ μιανθῆναι* ‘остерегаясь оскверниться’ (Навгánek 1928: 179); *да нѣржетѣса н ѿлочнтѣ* (КУВ, 23а). Как показывает материал, словоформы, к которым в равной степени относится *са*, не обязательно должны примыкать друг к другу – их могут разделять другие члены предложения: *вѣздраддоуѣ са вѣ тѣ дѣнь ѿ вѣзнграѣте* Лк 6:23 Зоґр Мар Ас Сав; *да внша са авнлн чкомѣ посташте* Мф 6:16 Зоґр Мар Сав Ас Остр (Гавранек 1963: 59); *аще нмелѣ вѣхѣ роуцѣ • оудавнлѣса вѣхѣ • нлн ножемѣ сѣволѣ* (ПрЛ, 14а – Крысько 1995: 473); *н прнлочн нѣ са на поутн сѣблазннтн* (Пр 1313, 78в). Ряд примеров амбивалентного *са* зарегистрирован в гимнографических текстах: *рожышюмоуѣ поклоннмѣ* (MD V, 296v; ИК: 427); *поклоннса радѣа* (ИК: 93); *вѣзнграса радѣа* (ИК: 486); *плачущнса • н многотѣрпѣнню юго • двнцнн вѣпннше* (Паракл 1369, 71v). Все эти факты дают основания предположить, что оборот *храннса н вожьствомѣ прострѣляѣщн* в кирилловском каноне являет собой „пример чрезвычайно архаичного синтаксиса“ (Зализняк 2008а: 68)⁷³.

Большинство списков отражают, по-видимому, исконное состояние текста и в плане синтаксического параллелизма между двумя причастными оборотами: первому причастию (*храннса*) предшествует именной распространитель *вѣ тоуѣ*, второму (*прострѣляѣщн<са>*) – форма *вожьствомѣ*.

Что же касается семантики исходного невозвратного глагола *прострѣляти*, весьма скудно представленного в словарях, то она, на наш взгляд, не ограничивалась переходным значением ‘поражать стрелой’, но могла включать и значение ‘пускать стрелы (из лука)’, естественным образом выводимое из семантики мотивирующего глагола *стрѣляти*, ср.: *намацаѣште ѿ стрѣляѣште лжкѣ* – *βάλλοντες τόξοις* Пс 77:9 Син (SJS 4: 189); *Стреляти... стрел<ы>* в брюхо. Заговоры Олон., 484. XVII в. (СлРЯ 28: 159). Соответствующее значение – ‘iaculari’ – зафиксировал Ф. Миклошич, но, к сожалению, только с глухой отсылкой „glag<olitisch>“ (Mikl.: 706). Поиск греческой пассивной формы, однородной с причастием *φρουρούμενον, переведенной, подобно *φρουρούμενον (*храннса*), страдательно-возвратной формой (*прострѣляѣщнса*) и выражающей значение ‘пускаемая, выстреливаемая’, в метрическом отношении определяется тем, что в начале 6-го колона, при переводе на греческий слов *н вожьствомѣ*, в соответствии с ирмосом и другими тропарями

⁷³ Заметим, вместе с тем, что материал памятников не подтверждает вывода о том, что „одно *са* на два возвратных глагола встречается... только в текстах, сочиненных или переведенных очень рано“ (Зализняк 2008а: 68), ср.: *и ступишасѣ с ними битѣ* (ЛЛ: 363, под 1171 г.); *не совкупишасѣ битѣ ѿ бои. за мѣ* (ЛЛ: 384, под 1177 г.); *онъ же отречесѣ крестити* (ПЛ: 19, под 1341 г.; в др. сп. *креститисѣ*); *и даже: на Олонѣцкомѣ верѣу слотѣ зачалсѣ дѣлатѣ* (НБН: 27, 1707 г.).

на этот ирмос реконструируется последовательность из шести или пяти слогов – *καὶ τῷ θεότητι⁷⁴ или *καὶ θεότητι⁷⁵. Это означает, что параллель к *прострѣлаѣщнса* была ограничена resp. пятью или шестью слогами, причем с обязательным ударением на третьем слоге с конца⁷⁶. Учитывая то, что уже было сказано о переводе глагола *καταβάλλω* посредством приставочных образований от *στρѣλντη*, мы могли бы восстановить для последних шести слогов форму *καταβαλλόμενον – однако примерами ее употребления в конструкциях со словом *βέλος* мы не располагаем. С большим успехом на эту роль может, думается, претендовать глагол *ἐπαφίμι*, который, в том числе и в страдательно-причастной форме *ἐπαφιέμενος*, нередко сочетается с существительным *βέλος*, ср.: Ἐντείνας σε δυνατὸν ὡσπερ βέλος, μακάριε, ἐπαφῆκεν εἰς τὸν σύμπαντα κόσμον ὁ Κύριος, τραυματίζων δαίμονας (MR II: 334) – Напраздав та ѿко стрѣлоу снлагоу блжне. ѿпоустн во ве мнрѣ гь. остроуплаѣ вѣсовы (Tr492, 336r); Τόξον ὁ Χριστὸς ἐντείνας ἐπαφῆκε βέλος σέ, Λουκᾶ, λαμπρῶς ἠκονημένον (AHG II: 222) ‘Христос, натянув лук, пустил тебя, Лука, как стрелу великолепно заостренную’; ἐμάχετο... τοῖς πυκνὰ ἐπαφιέμενοις βέλεσιν (Евстафий Фессалоникийский) букв. ‘сражался часто пускаемыми стрелами’; ὑπὸ θείας δυνάμεως τὰ τῶν πολεμίων ἐπαφιέμενα βέλη (Никифор Каллист) ‘Божиею силою испускаемые стрелы врагов’ (NB параллелизм с конструкцией *вожѣствоуь прострѣлаѣщн<са>*). Еще чаще (десятки примеров в TLG) в сочетаниях с *βέλος* фигурирует другой приставочный глагол того же корня, *ἀφίμι*, ср., например, в контекстах, близких к анализируемому: Ἀφῆκας ὡς δυνατός, Χριστέ, τὸν Ἀπόστολον ἠκονημένον ὡς βέλος ἐν ἐχθρῶν καρδίαις σου (MR I: 345) – Нпоустн ѿко снлына [вм. снлынѣ] хѣ апла нзостреноу ѿко стрѣлоу вѣ срѣца врагѣ тн (Яг.: 42); Ἐγὼ σε καὶ ὡς ῥομφαίαν τοῦ Δυνατοῦ θεωρῶ... καὶ ὡς βέλος ἠκονημένον [курсив в TLG] ἐκ τῶν αὐτοῦ χειρῶν ἀφιέμενον (Димитрий Хоматиан) ‘Я смотрю на тебя как на меч Сильного и стрелу изостренную, испускаемую из Его рук’. Примечательно, что в качестве соответствия к (ἐπ)αφίμι в славянской письменности может выступать, наряду с другими лексемами, и глагол *прострѣлнти*: *сквозѣ перѣстень прострѣлнти* – *διὰ δακτυλίου τὸν οἰστὸν ἀφιέναι* ‘пустить стрелу’ (Пч.: 305); *хотѣхѣ прострѣлнти бѣ вѣшего георгнѣ* (Пр 1383, 49a) – *βέλος οὖν ἐπαφιέντος μου* ‘когда я пустил стрелу’. Использование этого эквивалента в переводе кирилловского канона приводит к появлению *figura etymologica* *стрѣла прострѣлаѣщнса*, не имеющей непосредственной параллели в греческом.

В итоге наиболее вероятной нам представляется следующая реконструкция славянского и греческого текстов второго тропаря 6-й песни⁷⁷:

⁷⁴ Ср. колоны с ударением на 4-м слоге: ирмос *ἐκ τῆς πλευρᾶς σου ρεύσαντι αἵματι*, или *τοὺς ἀνυμνοῦντάς σε ἐξικέτετε* (AHG X: 6), или *ἀκαταφλέκτως, ἀγνή, τὸν κύριον* (XI: 320).

⁷⁵ Ср. колоны с ударением на 3-м слоге: *συλλαβοῦσα, οὐκ ἐστενοχώρησεν* в весьма распространенном богородичне Ὡ θαῦμα (7 раз в AHG, см., например, VIII: 171), *ἐκτενῶς ὑπὲρ πάντων πρεσβεύοντες* (AHG II: 183).

⁷⁶ Ударение на 6-м с конца слоге (как в *ρεύσαντι αἵματι*), напротив, не обязательно, ср. примеры в двух предыдущих примечаниях.

⁷⁷ В четвертом столбце разрядкой выделен текст ирмоса, а обычным шрифтом даны вариативные строки из других тропарей на этот ирмос, к которым метрически особенно близки реконструируемые колоны.

1 *Г҃ко стрѣла	4/3–4	*Ὡς βέλος	Θύσω σοι Ζηλώσας Σοῦ τοὺς πόδας
2 нзѣрѣна ѣвнса еретникомъ врагомъ	15/10–12	ἐκλεκτὸν ὄφθης αἰρετικοῖς τοῖς ἐχθοῖς,	μετὰ φωνῆς αἰνέσεως, Κύριε κεκτημένος Θεοῦ Ἰσραὴλ δυνατὴν
3 нменьне въ тоуѣ	7/7–8	ὄνομαστέ, ἐν φαρέτρα	ἡ ἐκκλησία βοᾷ σοι
4 свѣтъмъ пророческѣи ѣкоже пишеть	13/10–13	τῆ ἀγία, προφетικῶς ὡς γράφει,	ἐκ δαιμόνων λύθρου κεκαθαρμένη
5 хранѣнса	4/4–5	φρουρούμενον /σκε- πόμενον?/	τῷ δι' οἴκτον ἐποίκιλας
6 н божествомъ прострѣлаѣици	10/11– 12, 15	καὶ /τῷ/ θεότητι ἐπαφιέμενον /ἀφιέμενον/	ἐκ τῆς πλευρᾶς σου ρεύσαντι αἵματι ἐκτενῶς ὑπὲρ πάν- των πρεσβεύοντες

‘Как стрела избранная ты явился для еретиков-врагов [греч. еретических врагов], славный, в колчане святом, как пишется словами пророка, сохраняемая и Божеством выстреливаемая’.

Восстановленный греческий текст с точки зрения стихометрии соответствует либо непосредственно ирмосу Θύσω σοι, либо многим тропарям, выпеваемым на этот ирмос, но допускающим некоторое варьирование в числе слогов и размещении ударений. Славянский текст также в целом вписывается в рамки ирмоса, и существенное отличие наблюдается только во 2-м колоне, где точный пословный перевод спровоцировал превышение образа как минимум на три слога.

В то же время большинство списков тропаря свидетельствуют о том, что первоначальная ориентация на ирмос Θύσω σοι, которая явствует также из литургических указаний в древнейшем списке *Ил* и ряде списков, группирующихся вокруг *НБКМ902*, в процессе бытования тропаря сменилась другим образцом – Ἦλθον εἰς τὰ βάθη τῆς θαλάσσης. Если мы, *mutatis mutandis*, сравним реконструированный текст славянского тропаря с новым ирмосом и другими тропарями на этот ирмос, то обнаружим стихометрическое сходство, ничуть не меньшее, чем в исходной версии:

1 *Г҃ко нзѣрѣна стрѣла ѣвнса	11/10–11	Ἦλθον εἰς τὰ βάθη τῆς θαλάσσης,
2 еретникомъ врагомъ	8/7	καὶ κατεπόντισέ με
3 нменьне въ тоуѣ свѣтъмъ	10/10	καταιγὶς πολλῶν ἁμαρτημάτων,
4 пророческѣи	4/4	ἀλλ' ὡς Θεὸς

5 ѡкоже пишеть хранища 10/7 ἐκ φθορᾶς ἀνάγαγε
 6 н вожествомъ прѣстрѣляжци⁷⁸. 10/9–10 τὴν ζωὴν μου, πολυέλεε.

Более того – акцентологическая реконструкция славянского текста (насколько она возможна при имеющихся скудных данных о древнеболгарской акцентной системе) дает основания предполагать, что новое разделение на колоны позволило в большей степени соблюсти гомотонию с греческим образцом, нежели в первоначальном виде: если изначально завершения колонов по акцентуации отличались от греческого в четырех случаях (1: στρῦλά – βέλος, 2: врагѡмъ? [из *-отъ·, см. Колесов 1972: 159; Дыбо 1981: 29] – ἐχθροῖς, 4: пишеть – γράφει, 5: хранища [см. Дыбо 2000: 571] – φρουρούμενον), то в новом варианте гомотония отмечается почти в каждой строке. Так, совпадают ударения на предпоследнем слоге в формах врагѡмъ и κατελόντισέ με. Принимая во внимание, что у прилагательных подвижной акцентной парадигмы (к которым относилось и сватъ) „ударение в членных формах всегда... на соединительном морфе“ (Зализняк 1985: 142) – т.е., в нашем случае, на -ъ-, – мы можем констатировать также и гомотонию сватѣмъ и ἀμαρτημάτων. Вопрос о том, гомотонична ли греческому образцу (ἀλλ’ ὡς Θεός) форма пророчьскы, образованная от прилагательного пророчьскын, которое относилось к баритонированной акцентной парадигме с неподвижным ударением на -ρο-, решается тем, что в ортотонических формах через слог от главного развивалось второстепенное ударение (Зализняк 1985: 179)⁷⁹. Первоначальная акцентовка на корне, реконструируемая в форме хранища, проливает дополнительный свет на весьма раннюю утрату энклитики: элиминация -са позволяла восстановить – пусть даже ценой смысла – требуемое ирмосом „дактилическое“ ударение (хранищн – ἀνάγαγε)⁸⁰. Наконец, в форме прѣстрѣляжци ударение падает на имперфективный суффикс -а- (Зализняк 1985: 67, 147), что совпадает с акцентуацией πολυέλεε. Что же касается аориста ѡвнса в 1-м колоне, то противоречивые данные акцентуированных рукописей (Зализняк 1985: 186; Дыбо 2000: 582, 610), в том числе и четырех поздних списков службы Кириллу (*НБКМ140*: ѡвнсе; *НБКМ141*, *Var*: ѡвнсе; *Поч*: ѡвнса), не позволяют прийти к однозначному выводу о том, корреспондировала ли эта форма с παροχυτονον θαλάσσης.

Значение, которое на определенном этапе развития славянской гимнографии стало придаваться гомотонии, возможно, дает нам ключ к объяснению того, почему во всех списках реконструируемый для первоначального текста порядок слов *στρῦλα нзвьрана сменился новым – нзвьрана στρῦла: при сохранении исконной последовательности *ІАко στρῦλά нарушалась система ударений в колоне, где согласно новому образцу ἦλθον εἰς τὰ βᾶθη τῆς θαλάσσης ударения должны падать на 5-й с начала и 2-й с конца слог.

⁷⁸ Почти такое же разделение на колоны отражает древнерусская знаменная нотация в списке С (МФ II: 342).

⁷⁹ Автор признателен А. А. Зализняку за замечания и консультации по акцентологическим аспектам статьи.

⁸⁰ По мнению Г. В. Алексеевой (2007: 199), „фактор несоответствия ударений в тактовых группах в русской версии текста относительно византийского протографа является главной причиной разночтений певческих традиций“.

Правда, и после перестановки слов в пределах атрибутивного словосочетания ударение в колонне *Глаго нзвьрана⁸¹ стрѣла ѡвнса все же не совпадает с ирмосом, но эта ситуация была выправлена, вероятно, достаточно рано, так как в пяти из шести акцентуированных списков кирилловского канона (НБКМ902, НБКМ140, НБКМ141, Вар, Поч) данное причастие (впрочем, перед вторичным адъективным суффиксом -(ь)н-) имеет ударение -рѣ⁸².

Слово нзвьрана выступает в абсолютном большинстве списков (с вариантами -нна Z, НБКМ895, Хл166, Хл164, НБКМ140, Ц и -ннаа Др, Пан, Хл152, НБКМ902, Л, НБКМ141, Вар, Поч)⁸³; это чтение соответствует, как уже говорилось, и источнику парафразирования – канону в честь Григория Нисского (Βέλος ἐκλεκτόν), и библейскому первоисточнику (Ис 49:2: ὡς βέλος ἐκλεκτόν). И лишь в одном списке – Гр – на месте нзвьрана фигурирует чтение, которое первый издатель, В. И. Григорович (1865: 247), передал как нзавьрна⁸⁴ и которое в нашем издании Ильиной книги (ИК: 573) приведено в коллажи различий как одно слово, нзавьрна, с комментарием: „возм<ожно>, восходит к чтению *нзвьрена ‘зазубренная’ (слово отсутствует в исторических словарях, однако ср. у Даля [II: 22]: “ИЗЗУБРЯТЬ, *иззубрѣть* что, делать в чем много зазубрин; вызубрять, назубрять”“. Не настаивая на первичности этого чтения и допуская, что „в Гр отражено паронимическое переосмысление формы, представленной во всех остальных списках“, мы в то же время заметили, что „переход от ясного нзвьрана к далеко не прозрачному нзавьрна существенно более сложен, нежели обратное развитие, продиктованное ориентацией на хорошо известное библейское речение“. Наши построения вызвали возражения С. Ю. Темчина (2007б: 292–293), для которого отсутствие слова в исторических словарях⁸⁵ служит безусловным доказательством его отсутствия в языке (положение, с которым едва ли нужно спорить после обнаружения сотен *haxa legomena* в берестяных грамотах или в Ильиной книге⁸⁶). Выдвигаемое вильнюсским исследователем, по его собственной оценке, „гораздо более реалистичное“ объяснение основано на цепочке орфографических натяжек, изящество которых мы предлагаем оценить читателю: „нзвьрана > *нзвьрана (утрата корневого редуцированного в слабой позиции и вставка неэтимологического редуцированного после приставки) > *нзвьрана (гиперкоррекция при стремлении избежать отражения на письме

⁸¹ Об исконности ударения на окончании в имен. пад. ед.ч. жен. рода *bьraná см. Дыбо 2000: 658; ср. еще у Лермонтова в „Тамаре“: В парчу и жемчуг *убранá*.

⁸² В Ц форма нзвьрана не акцентована.

⁸³ Данное в научно-популярном издании кирилловской службы чтение нзавьрна, почему-то переведенное все же как „избрана“ (Клим.: 566, 567), не находит подтверждения в текстологии тропаля и никак не соотносится с библейскими реалиями (ветхозаветный Замврий, упоминаемый в 4-й песни кирилловского канона, был пронзен копьем, а не стрелой [Числ 25:7–14]). (Кстати, вопреки С. Ю. Темчину [2007б: 292], В. И. Григорович [1865: 259] не только не рассматривал форму завьрна как „указание на Замбрия“, но даже и форму звьрнж в 4-й песни по списку Гр отказывался соотнести с Замврием.)

⁸⁴ Так же – в издании Лавр.: 120.

⁸⁵ Впрочем, отглагольные существительные, однокоренные с *нзвьрена, зафиксированы в СлРЯ 5: 200: *з зазубрю* Гр. Дв., 37. XV в.; *с зазубрями* Устав ратных д. II, 8. XVII в.

⁸⁶ В списках кирилловского канона примерами таких гапаксов могут служить *наводьнж* ‘мнимый, обманчивый’ (5.1, см. Крысько 2010: 132–133) или *закончннн* в том же списке Гр.

диспалатализации сонорного) > *нзавръна (механическая перестановка гласных букв в соседних слогах, возможная при условии их одинакового произношения)“. Для того чтобы разрушить это нагромождение Пелиона на Оссу, достаточно указать на то, что „диспалатализация“ [p'] в среднеболгарском не могла бы привести к написанию ρα вместо ρα, а совпадение в произношении рефлексов носовых и редуцированных, на котором якобы базируется написание нзавръна (т.е. что-то вроде [изъбрьна], сразу с двумя неэтимологическими гласными!), в *Гр* не наблюдается ни разу. Форму нзъвърна можно считать вполне реальной (а не „отсутствующей... в дошедших до нас списках службы“ [Темчин 2007б: 293]) не только в качестве реконструкции, но и в рамках орфографии Григоровичевой минеи, где неоднократно встречается смешение носовых (в том числе α вместо ѡ в корне: звакомъ 2r, стажажца 3r [Григорович 1865: 245, 249]); не является чем-то необычным и смешение суффиксов причастий и прилагательных -ен- и -(ь)н-, типа съпласенъ – съпласънъ, ср. по разным спискам того же канона: законочнымн *Гр*, 1v (Григорович 1865: 244) вместо законоченъимн, пръвоукрашьнь *Пан*, 218r.

Несомненно, вместе с тем, что наличие причастия *нзъвърна в традиции тропаря еще не означает первичности этого чтения. Учитывая существование такой реалии, как стрелы с зазубринами⁸⁷, допустимо предположить, что болгарский книжник, переписывавший *Гр* (или его предшественник), решил заменить несколько абстрактный эпитет оригинала (нуждавшийся, как показывает библейская экзегеза, в комментарии⁸⁸) ярко-предметным определением, введившим ветхозаветный образ в круг повседневных представлений средневековых славян. Конечно, такая вольность переписчика, заменившего ясное и традиционное слово чрезвычайно редким, не очень обычна в гимнографии, – гораздо естественнее устойчивое сохранение „избранной стрелы“ в остальных списках канона, как и в других гимнографических текстах, ср.: Стрѣлоу нзъбранѡ въз тѣлѣ та съкрываѡтъ – Βέλος ἐκλεκτόν ἐν φαρέτρῳ σε крупτόμενον (ПМ: 30, 31); ѡко стрѣлоу нзъбраноу (Т110, 108r) – ὡς περ βέλος ἐκλεκτόν (MR IV: 413). Однако мы уже имели возможность заметить, что список *Гр* вообще изобилует индивидуальными чтениями, отличающимися от других списков и не находящими подтверждения ни в истории кирилловского канона, ни в реконструкции его оригинала. На фоне таких проявлений поэтической свободы, как кннгамн законочнымн vs. *къннгамн закона (1.2), льсть vs. *съна (3.2), доброгласнаѡ vs. *гласъна (3.3), дша наша vs. *чловѣка (3.4), ꙗзы мрачнаѡ vs. *змъзи мразънъзи (5.3), сладоточныѡ vs. *златоточныѡ (7.3, см. Крысько 2007а: 40), добавление вышннн (6.4) и т.п., мы имеем все основания приписать создателю Григоровичевой минеи (или ее антиграфа) разрушение

⁸⁷ Ср. БЭ: 843 (статья „Стрелы“): „Некоторые наконечники [стрел] имеют с боков зазубрины, шипы (чаще всего по одному) или даже целый ряд зубцов и закрючин“; на вкладке с иллюстрациями изображен, в частности, наконечник „железный трехлопастный с зазубринами и прорезьями, с черенком“.

⁸⁸ Ср. толкование, приписываемое Оригену (*Selecta in Psalmos*): Ὁ λέγων· „Ἐθηκάς με βέλος ἐκλεκτόν,“ οὗτός ἐστιν ἐν πολλοῖς βέλεσι βέλος ἐκλεκτόν, ὡς ἐν πολλοῖς υἱοῖς καὶ υἱὸς ἐκλεκτός· „Кто говорит: „Ты положил меня как стрелу избранную“, – тот есть среди многих стрел стрела избранная, как и среди многих сыновей сын избранный“; см. также ПМ: 275.

устойчивого, но отвлеченного выражения и замену его конкретным обозначением.

Возникает, однако, вопрос: насколько устойчиво было определение стрелы „избранная“? Даже издание А. Ральфса свидетельствует о том, что греческий текст Исаии отнюдь не свободен от лексического варьирования: так, на месте ἐσκέλοσέν в ряде списков, как уже упоминалось (см. примеч. 40), фигурирует форма ἔκρουσέν, повторяющая аналогичную форму из предыдущей синтагмы (VT: 633), – причем именно это вариантное чтение отражено в славянском переводе – съкрьзы. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в русской Синодальной Библии в соответствии с греческим эпитетом ‘избранная’ выступает ‘изостренная’. С. Ю. Темчин (2007б: 293) считает данный вариант вторичным, обусловленным „влиянием псалтырного текста (Пс 44.6, 119.4)“, но, по-видимому, не учитывает истории синодального перевода, восходящего не к греческому, а к масоретскому древнееврейскому тексту. Между тем в этом тексте, как и в синодальном переводе, стрела именно ‘заостренная’ – *barûr*⁸⁹. Появление несколько странного ἐκλεκτόν в Септуагинте связано с тем, что др.-евр. корень *brr* выражает – вследствие омонимии (Gesenius: 119) или полисемии (TWT: 845) – весьма разные значения: ‘выбирать, отбирать’ и ‘заострять’⁹⁰. Таким образом, кажется не вполне беспочвенным предположение о том, что греческий текст Ис 49:2 мог иметь еще одну *variā lectio* – хотя и не отмеченную в публикациях LXX⁹¹. Впрочем, даже и не настаивая на таком допущении, мы можем констатировать, что наличие иного эпитета к „стрелам“ в библейской книге, существенно более распространенной, чем Исаия, – Псалтыри (τὰ βέλη σου ἠκονημένα, δυνατέ – Пс 44:6, τὰ βέλη τοῦ δυνατοῦ ἠκονημένα – Пс 119:4; др.-болг. Стрѣлы... нзоштрены ПсСин, 58b, 167b) – уже было достаточным основанием для лексической замены в тексте кирилловского канона, тем более что в гимнографических произведениях, в том числе и бытовавших в славянских переводах, оба определения употреблялись и даже совмещались, ср., с одной стороны, приведенные выше цитаты на βέλος ἐκλεκτόν, с другой – следующие контексты: Ἀφῆκας... τὸν Ἀπόστολον ἠκονημένον ὡς βέλος (MR I: 345) – нзоштреноу ѿко стрѣлоу (Яг.: 42); ἠκονημένα βέλη ὠφθητε – Нзоштрены стрѣлы ѿвнстеса (MD I: 633), Ῥημάτων σου τὰ βέλη ἠκονημένα – Глаголы твоихъ стрѣлы нзоштрены (Stern 1: 425); ἐπαφῆκε βέλος σέ... ἠκονημένον (AHG II: 222) ‘пустил тебя как стрелу заостренную’; и в особенности: Σὲ ὡσπερ βέλος ἐκλεκτόν ὁ Λόγος ἠκονημένον ἐν καρδίαις τῶν ἐχθρῶν ἐμπηγνύει (MR IV: 413) – Та ѿко стрѣлоу нзъраноу • словесн [вм. слово] нзоштрено [вм. нзоштреноу] • въ сръдца вражьа възнози (T110, 108г), Ἰако стрѣлоу /τὰ\

⁸⁹ Ср. также переводы архим. Макария: „сделал Меня стрелою изощренною“ <<http://www.bibleist.ru/biblio.php?q=001/015&f=023.html>> – и А. Э. Графова: „в стрелу заостренную меня превратил“ (Книга Исаии: 122).

⁹⁰ Автор признателен Р. Н. Кривко за консультацию, указания на литературу и присылку фотокопий соответствующих страниц словарей, а также за ряд замечаний по тексту статьи.

⁹¹ Никаких вариантов к ἐκλεκτόν нет ни в Гёттингенской Библии (Isaias: 304), ни в издании Холмса–Парсонса (Vetus Testamentum Graecum. Т. 4. Oxonii, 1827 – по сообщению Р. Н. Кривко).

нзбраноу слово χῖζ нзоцреноу въ срѣдѣ вражна възннзаетъ (Соф199, 47v)⁹². В этих условиях правомерно предположить, что создатель „Добриановой“ версии кирилловского канона, не имевший уже, разумеется, никакого представления об источнике парафразирования – каноне Григорию Нисскому – и едва ли знавший, на какую именно библейскую аллюзию ориентирован образ „избранной стрелы“, из соображений содержательного, а может быть, и метрического порядка⁹³ предпочел заменить несколько туманный эпитет своего источника другим, более эффективным вариантом. Тот факт, что для замены он выбрал экзотическое определение нзъврена, а не обычное нзоцрена / нзоцрена, объясняется, как мы полагаем, сознательным обыгрыванием паронимической близости между нзъврена и нзъврена⁹⁴.

Третий тропарь шестой песни, в отличие от второго, ориентирован непосредственно на агиографическую информацию о Кирилле, которая в тексте Жития передана следующим образом: „Седми же лѣтъ отрокъ бивѣ, видѣ сонъ и повѣда отцоу и матери, и рече, ѡко стратигъ, събравъ въса дѣвица нашего града, и рече къ мнѣ: избери себѣ ѡтъ нихъ, юже хоцещи подроужіе на помощь и съврѣсть себѣ. Азъ же глѣдавъ и смотривъ всихъ. видѣхъ единою краснѣишоу всѣхъ, лицемъ свѣтащоуся и оукрашеноу вельми монисты златыми и бисеромъ и въсею красотою, ей же бѣ имя Софїа, сирѣчь моудрѡсть, тоу избрахъ. Слышавша же словеса сіа родителя его, рекоста къ [в изд. въ] нему: сыноу, храни законъ отца твоего, и не ѡтврѣси наказанїа матери своеа [Притч 6:20]. Свѣтилникъ бо заповѣдь закону и свѣтъ [Притч 6:23]. Рѣци же премоудрости: сестра ми боуди, а моудрость знаемоу себѣ сътвори [Притч 7:4]: сіаеть бо премоудрость паче слнца [Прем 7:29], и аще приведеши ю себѣ имѣти подроужіе, то ѡтъ многа зла избавишися ею“ (ЖК III – Лавр.: 2–3). Этот рассказ, представляющий собой, по меткому выражению Б. Н. Флори, „мозаику цитат из книги Притчей Соломоновых и Премудрости Соломона“ (Сказания 1981: 107), помогает разобраться в несколько запутанной текстуальной традиции рассматриваемого тропаря, засвидетельствованного 24 списками (отсутствует в Z). В древнейшем списке, *Ил* (л. 129v), синтаксис очевидно искажен:

⁹² Ср. также соединение обоих словосочетаний у Евстафия Фессалоникийского (XII в.): ἐγὼ... ἔχω μὲν εἰπεῖν τὸ ἐμὸν καὶ κοινὸν τοῦτο θαῦμα καὶ βέλος ἐκλεκτὸν καὶ βέλος ἠκονημένον τοῦ δυνατοῦ θεοῦ, δι’ οὗ λαοὶ καταρριπτοῦνται ἀφιεμένου πρὸς τε θεοῦ πρὸς τε βασιλέως ‘я же должен сказать об этом моем и общем чуде – и стреле избранной, и стреле изостренной сильного Бога, от которой – выпущенной Богом и императором – ниспровергаются народы’. Автор признателен Л. И. Щеголевой за помощь в переводе цитат в примеч. 92 и 94.

⁹³ Сведениями об акцентуации формы *нзъврена мы не располагаем.

⁹⁴ Кажется небезынтересным заметить, что в греческом языке наряду с глаголом ἀκονάω ‘точить, делать острым’ (Двор.: 66), к парадигме которого и относится причастие ἠκονημένος, имелся глагол χαράσσω, означавший не только ‘острить, точить’, но и ‘снабжать зубцами, зазубривать’: τὰ ἄκρα κεχαραγμένα ‘зазубренные концы’ (Двор.: 1765); о том, что он мог применяться и к стрелам, свидетельствует следующая цитата из Плутарха (*Moralia, Praecepta gerendae reipublicae*): ἐν δὲ ταῖς κρίσεσι... ἀμεινὸν ἐστι... μὴ καθάπερ βέλη τὰ πράγματα χαράσσοντα καὶ φαρμάσσοντα ταῖς βλασφημίαις καὶ ταῖς κακοθεταῖς καὶ ταῖς ἀπειλαῖς ἀνήκεστα... ποιεῖν ‘в тяжбах лучше не превращать дела в губительные, как стрелы заостряя (зазубривая?) и отравляя хулами, и злостью, и угрозами’ (TLG; LS: 1977).

Вззлюбль нзмлада [так, вм. нзмлада⁹⁵] прѣмѣдрость • | истнннѣмъ моудрость •
сестрѣ | себѣ приналъ ѣсн ксн • н оумѣдрь|са блжне вмь • ѡвнлзса ксн фнлософ
[так, недописано].

Лишним в этом предложении является либо один из двух однокоренных винительных – прѣмѣдрость или моудрость, либо местоимение ѣсн: в обороте accusativus duplex при глаголе приналъ позиция второго, предикативного винительного занята формой сестрѣ, а значит, первым, объектным винительным должна быть либо „мудрость“ – но тогда избыточно ѣсн, либо местоимение – но тогда неуместно повторение слова „мудрость“. Сосуществование двух „мудростей“ в изначальном тексте как будто подтверждается сходной ситуацией в Житии („Ръци же преоудрости: сестра ми боуди, а моудрость знаемоу себѣ сътвори“), где эта тавтология восходит к переводу Притч. 7:4 (εἶπον τὴν σοφίαν σὴν ἀδελφὴν εἶναι, τὴν δὲ φρόνησιν γνῶριμον περιποίησαι σεαυτῷ), в котором два разных греческих слова – собственно ‘мудрость’ и ‘разум’ (ср. синодальный перевод: „Скажи мудрости: “Ты сестра моя!” и разум назови родным твоим“) – переданы однокоренными славянскими – прѣмѣдрость, означающим Премудрость божественную, и мѣдрость, означающим мудрость человеческую (см. Верещагин 1997: 88). Такое словопотребление было обычным для переводческой практики древнеславянских книжников: корреляция мѣдрость – φρόνησις зафиксирована и в Евангелии, и в Псалтыри, и в Паремейнике, и в гимнографии (РГЦ: 482; WD: 96). Однако в тропаре, в отличие от Жития, нет речи о противопоставлении человеческой и божественной мудрости, так как Константин и „возлюбил“ премудрость в смысле постижения божественных истин (“learning, wisdom in... Christian teaching” – Lampe: 1245)⁹⁶, и принял Премудрость (“divine wisdom” – ib.) как сестру, – а следовательно, песнопение отсылает не только к Притчам (из которых в гимнографическом контексте остается образ сестры), но и к Книге Премудрости Соломона, ср.: οὐθὲν γὰρ ἀγαλᾶ ὁ θεὸς εἰ μὴ τὸν σοφία συνοικοῦντα [Прем 7:28]... Ταύτην ἐφίλησα καὶ ἐξεζήτησα ἐκ νεότητός μου [Прем 8:2] (синодальный перевод: „ибо Бог никого не любит, кроме живущего с премудростью... Я полюбил ее и взыскал от юности моей“). „Полюбив измлада премудрость“, Константин, согласно Житию и в соответствии с Прем 8:2, „пожелал взять ее в невесту себе“ (ἐζήτησα νύμφην ἀγαγέσθαι ἐμαυτῷ) – но в тексте тропаря поступил в соответствии с Притчами (7:4), взяв Премудрость себе в сестры.

Топос „породнения“ – обручения или иной аффилиации – святого с Премудростью не нов в византийской письменности: он встречается, в част-

⁹⁵ Тот факт, что написание нзмлада фигурирует и в других списках (С; в *НБКМ* 895 – с л выносным) и текстах (ИК: 302–303, Син165, 57), на фоне аналогичных искажений: нзвѣче и т.п. в Саввиной книге, Путятиной минее, Словах Григория Богослова XI в. (Васильев 1913: 377–378), Ильиной книге (ИК: 240, 241), Минее Соф188, 117; без вазна вм. без блазна (Изб 1: 138; Палея 1406 г., 180а – СДРЯ 1: 227), – подтверждает наличие „фонетического закона, не терпящего перед гласным группы в 3–4 согласных, из которых последний л“ (Васильев 1913: 379).

⁹⁶ „Атрибут Кирилла (Философ. – В. К.) означает: любящий прѣмѣдрость, и именно прѣмѣдрость как древний прообраз, даже синоним богословия. Прѣмѣдрость–софіα – вот то пространство духа, в котором потрудился и к которому стремился первоучитель“ (Верещагин 1997: 88).

ности, у Григория Богослова, оказавшего значительное влияние на Константина Философа (см. Vavřínek 1962: 104). Согласно постулату, сформулированному Иоанном Дамаскином в „Диалектике“, преданность „истинной философии“ означает любовь к Богу: *Φιλοσοφία πάλιν ἐστὶ φιλία σοφίας. Σοφία δὲ ἀληθῆς ὁ θεὸς ἐστὶν* (*Dialectica sive Capita philosophica (recensio fusior)*, 3) ‘Философия, со своей стороны, есть любовь к мудрости. Мудростью же истинной является Бог’. В кирилловском каноне данная проблематика вписана в контекст идей, связываемых с собственными представлениями Константина о философии (см. Vavřínek 1962: 107–108). На вопрос „что есть философия?“ юный Философ ответил: „божіамъ и чловѣчамъ вѣщемъ разоумъ, елико можетъ чловѣкъ *приблизитисѧ боꙗѣ*, ꙗко *дѣтелію* оучитъ чловѣка *по образу и по подобію быти сътворіемому его*“ (ЖК IV – Лавр.: 5; курсив наш). При анализе канона мы уже дважды сталкивались с темой „обожения“ человека – в 3-м тропаре четвертой песни и в богородичне пятой песни (см. Крысько 2009б: 15, 17; Крысько 2010: 139). Однако если в богородичне, непосредственно не ассоциированном с Кириллом, названа только первопричина, сделавшая „обожение“ возможным, – пришествие Спасителя (*пльть прннмъ н зѣмьнѣна богосътвори), если в четвертой песни только намечен путь сближения с Богом – подражание Ему (причем, как и в только что процитированных словах из Жития, прямо воспроизводится библейская формула по подобию), то в исследуемом тропаре, как и в Житии, указано средство деятельного приближения к Божеству – образ жизни. Тем самым в каноне раскрываются оба пути к „обожению“, обозначенные Анастасием Синаитом: *φύσει μὲν ὁ ποιητής, σχέσει δὲ καὶ χάριτι καὶ οἱ δίκαιοι λέγονται θεοί* (*Viae dux*, 2, 2) ‘Создатель – по природе, а по образу жизни и по благодати – и праведные называются богами’. *Дѣтель*, позволяющая *приблизитисѧ боꙗѣ*, в применении к Кириллу, – философия, или любовь к премудрости.

Установив, что соположение двух „премудростей“ – инспирированного Богом знания и персонифицированной Премудрости – отражает в разбираемом тропаре двойное цитирование – Премудрости Соломона в причастном обороте и Притчей Соломоновых в предикативном центре⁹⁷, и исходя из того факта, что в Септуагинте в обоих случаях фигурирует *σοφία*, мы, думается, вправе для греческого оригинала песнопения реконструировать это слово в обеих синтагмах. Именно такую реконструкцию, основанную на двух значениях слова *σοφία*, 133 года назад предложил А. Д. Воронцов (1877: 161): *φιλήσας ἐκ βρέφους σοφίαν, ἀληθῶς Σοφίαν ἀδελφὴν ἐδέξω*, – отметив, что это „игра слов, имеющая значение только на греческом“. С учетом стихометрии кирилловского канона текст, приблизительно восста-

⁹⁷ Аналогичные переходы от премудрости как знания божественных истин к Премудрости наблюдаются и в тексте Сир 14:21 (Sir 14:20), 15:1–3: *Μακάριος ἀνὴρ, ὃς ἐν σοφίᾳ μελετήσῃ... καὶ ὁ ἐγκρατῆς τοῦ νόμου καταλήμψεται αὐτήν· καὶ ὑπαντήσεται αὐτῷ ὡς μήτηρ καὶ ὡς γυνὴ παρθενίας προσδέξεται αὐτόν· ψωμίει αὐτὸν ἄρτον συνέσεως καὶ ὕδωρ σοφίας ποτίσει αὐτόν* „Блажен человек, который упражняется в мудрости... и твердый в законе овладеет ею... И она встретит его, как мать, и примет его к себе, как целомудренная супруга; напитает его хлебом разума, и водою мудрости напоит его“ (синодальный перевод).

новленный Вороновым, требует лишь незначительных поправок, благодаря которым он может быть соотнесен с ирмосом Ἦλθον εἰς τὰ βάθη, ср.⁹⁸:

1 *Φιλήσας ἐκ βρέφους τὴν σοφίαν,	Ἦ λ θ ο ν ε ἰ ς τὰ β ά θ η τ ῆ ς θ α λ ά σ σ η ς Ἰδρώτων σου ρεύμασι συμμείξας
2 τὴν ἀληθῆ σοφίαν	κ α ἰ κ α τ ε π ό ν τ ι σ έ μ ε τὴν τῶν ἀγώνων κόνιν
3 ἀδελφὴν σεαυτῷ ὑπεδέξω	κ α τ α ἰ γ ἰ ς π ο λ λ ῶ ν ά μ α ρ τ η μ ά τ ω ν σεαυτὸν νάον, μάρτυς, ἀγήρω

Некоторые формы и слова этого тропаря, по-видимому, являются реминисценциями библейских текстов, ср.: φιλήσας и ἐκ βρέφους – ἐφίλησα и ἐκ νεότητός μου (Прем 8:2), ἀδελφὴν и σεαυτῷ – ἀδελφὴν и σεαυτῷ (Притч 7:4). Напротив, рамки ирмоса Θύσω σοι, несмотря на сходство первых колонов (**Φιλήσας – Ζηλώσας), оказываются недостаточно эластичными для информации, сообщаемой в тропаре. В частности, эпитет ‘истинную’ не вписывается во 2-й колон ирмоса и других тропарей на этот ирмос, включающих 10–12 слогов с „дактилическим“ окончанием:

**ἐκ βρέφους (τὴν) σοφίαν τὴν ἀληθῆ	μ ε τ ά φ ω ν ῆ ς α ἰ ν έ σ ε ω ς, Κ ύ ρ ι ε (11) (10–11)
	τὰ λογικὰ θύων, μάρτυς Прокόπτε (12) συνάριθμοι ὄντες οἱ μάρτυρες (10)

– хотя и допустим в 12-сложном колоне с ударением на последнем слоге:

**ἐκ βρέφους τὴν σοφίαν τὴν ἀληθινὴν	ά β λ α β ε ἰ ς τ ά ς α ἰ σ θ ῆ σ ε ς σ ο υ π ά ς α ς σαφῶς
--------------------------------------	--

Неразрешимая проблема возникает с 3-м колоном, где в греческом возможны либо восемь слогов с ударением на 4-м, либо семь – с ударением на 3-м:

**σοφίαν ἀδελφὴν σοι	ἠ έ κ κ λ η σ ί α β ο ῶ σ ο ι τὸν πιστόν σου οἰκέτην
----------------------	---

Даже наиболее „экономная“ версия текста, представленная в *НБКМ895, Хл166, Р и*, с добавлением местоимения, в *С*, – *Взлюбль нзмлада прѣмждрость сестрѣ себѣ приналъ (ѣн) ѣсн, – при переводе на греческий не согласуется с ирмосом, ср.:

2 **ἐκ βρέφους (τὴν) σοφίαν, ἀδελφὴν σοι	μ ε τ ά φ ω ν ῆ ς α ἰ ν έ σ ε ω ς, Κ ύ ρ ι ε, συνάριθμοι ὄντες οἱ μάρτυρες
3 αὐτὴν ὑπεδέξω (6)	ἠ έ κ κ λ η σ ί α β ο ῶ σ ο ι (8) τὸν πιστόν σου οἰκέτην (7)

Дальнейший текст был восстановлен А. Д. Вороновым, с опорой на список *Гр* (где на месте причастия οὐμждрьса и перфекта ѡвнлзса ѣсн фигурируют

⁹⁸ В правом столбце мы вновь приводим как колоны ирмоса (разрядкой), так и (обычным шрифтом) строки одного из тропарей на этот ирмос (АНГ III: 305), к которым метрически особенно близки реконструируемые колоны.

аористы *ѡмѣдрнса... н ѡвнса*), в следующем виде: *καὶ ἐσοφίσθης Θεῶ μάκαρ καὶ ὠφθης φιλόσοφος*. С ориентацией на ирмос *Ἦλθον εἰς τὰ βᾶθη* версия большинства списков преобразуется в метрически совершенно приемлемый текст, ср.:

4 *καὶ σοφισθεῖς	ἀ λ λ' ὡς Θεὸς
5 τῷ Θεῷ, μακάριε,	ἐκ φθορᾶς ἀνάγαγε
6 ἀναδέδειξαι φιλόσοφος.	τὴν ζωήν μου, πολυέλεε.

При обращении же к ирмосу *Θύσω σοι* попытка метрически адекватного перевода на греческий наталкивается на непреодолимое препятствие – на сей раз в последней строке, которая недобирает нужного количества слогов, ср. различные варианты:

4 **ὑπεδέξω καὶ σοφισθεῖς τῷ Θεῷ,	**καὶ σοφισθεῖς/ἐσοφίσθης/ Θεῷ, μακάριε,	ἐκ δαίμωνων λύθρου κεκαθαρμένη πνιγμονῇ ὑδάτων ἐδέξασθε, φιλοξενῶν θεραπείαν τε ποιούμενος τὰς γραφείσας πλάκας δακ- τύλῳ αὐτοῦ (MR I: 53)
5 μακάριε,	ἀνεδείχθης /καὶ ἐδείχθης/	τῷ δι' οἴκτου ἐποίκιλας
6 ἀναδέδειξαι φιλό- σοφος (9)	φιλόσοφος (4)	ἐκ τῆς πλευρᾶς σου ρέυσαντι αἵματι (11)

Проведенное сопоставление позволяет с уверенностью утверждать, что оригинальный текст 3-го тропаря, как и богородична, был написан на ирмос *Ἦλθον εἰς τὰ βᾶθη*. Данная констатация, в свою очередь, предоставляет возможность осуществить выбор между отдельными славянскими разночтениями в зависимости от того, насколько эти варианты соответствуют реконструируемому греческому тексту⁹⁹.

Не вызывает сомнений исконность архаичной формы начального причастия *Взлюбль vs. -внвз* в большинстве южнославянских списков и аориста *-вн* в *Хл152, Хл164, Р*. Метрическое соответствие между **ὑπεδέξω* и обязательным *paroxytonon* в ирмосе подтверждает первоначальность глагола *прнѣтн* (ср. 2-е л. аориста *прнѣтъ* – *ὑπεδέξω* в ИК: 310) и указывает на вторичность *сѣтворнѣ* (*НБКМ902* и др.: *сѣтворнѣ*), продиктованного, вероятно, ассоциацией с Притч 7:4 (*τὴν δὲ φρόνησιν γινώριμον περιποιήσαι*). Перфект **прнѣлъ ѡсн*, используемый на месте аориста **ὑπεδέξω*, при отсутствии каких бы то ни было следов аориста по спискам тропаря, правомерно истолковать как исконную форму, которая в данном контексте уместна не только се-

⁹⁹ Естественно, не обсуждаются бессмысленные искажения, как, например, пропуск *сестрѣж* в *Др*, *ѡмѣдрнвса Поч* на месте *ѡмѣдрнвса* < *ѡмѣдрвса* или смена лица в *Пан, Поч*: *прнѣлъ ѡсѣтъ*. Особая версия тропаря, весьма удаленная от его первоначального облика, представлена в *Ск* – списке, вообще отличающемся крайне свободной перелицовкой канона: после *прѣмѣдрѡсѣтъ* там фигурирует текст *нѣтнѣа (sic!) нѡсѣчнѣ ѡсн: вѡблѣжѣ[нѣ]. ѡчѣ кнрнѣ. тѣмѣ фнлософѣ нарѣѣса, с незаполненными валентностями при нѡсѣчнѣтн*.

мантически („породнение“ святого с Премудростью – действие, результат которого неизменно актуален), но и метрически: колон **сестрѣ севѣ приналь кси* отличается от ἀδελφῆν σεαυτῶ ὑπεδέξω всего одним слогом (9 vs. 10). Не оправдан пропуск определения истинности (= *ἀληθῆ) в четырех списках (*С*, *НБКМ895*, *Хл166*, *Р*). В греческом тексте не находится места для местоимения – и, следовательно, вставка ѣ в двух списках (*Ил* и *В*) связана с изменением в членении текста: обе „мудрости“ восприняты писцами как относящиеся к *Вззлюбъ*, т.е. как аппозитивное словосочетание с уточняющим приложением („премудрость – истинную (пре)мудрость“); в списке *С* ю восполняет утрату объектного винительного при *приналь* после объединения двух „премудростей“. На фоне аористного причастия *σοφισθεῖς = *сумждрьса* (ср. аналогичный пример в Stern 3: 518, № 22217) должно быть отклонено чтение ряда среднеболгарских списков – аорист *змждрьса*, а также страдательное причастие *-рнь* *НБКМ895*; морфологическую инновацию отражает форма *-рньсе* в *НБКМ902* и др. Проблему создает лишь одно различие – *Хл166* *сумьжрьсе*, которое содержит архаичный рефлекс дистантной палатализации *drj > [ж’др’]. Н. Ван-Вейк (1957: 112) называет подобные формы „фонетически закономерными“, но в то же время подчеркивает, что „постепенно... они вытесняются новообразованиями по аналогии“ и что „переход t, d в št, žd перед мягким r’ является только древнеболгарским“. Ввиду наличия как форм с дистантной палатализацией, так и форм без шипящего уже в старославянских памятниках (Diels 1932: 138; Вайан 1952: 100) логично постулировать вариативность типа *сумждрьса* / *сумждрьса* и, тем самым, факультативность *-ждр-* уже для самого раннего периода славянской письменности. Примечательно, что в том же тропаре форма *Вззлюбъ*, где также могла бы ожидаться дистантная палатализация (ср. четыре формы с *взжл-* в Ильиной книге – ИК: 693), не обнаруживает по спискам никакой вариативности; допустимо предположить, что в приставках и корнях унификация морфемы осуществлялась одновременно. Бесспорно, во всяком случае, что для восточнославянской территории, откуда дошли древнейшие списки кирилловского канона (XI–XII вв.), исконный болгарский рефлекс *drj был необычным и экзотическим.

Реконструкция колона *τῷ Θεῷ, μακάριε свидетельствует в пользу порядка слов, зафиксированного в большинстве списков, в том числе во всех древнерусских, кроме *Ил*, и в ряде южнославянских, начиная с *Гр*, – *вогомь влжәне*. Не исключено, что перестановка в этом колоне связана с изменением ударения: после того, как первоначальное ударение на „этимологически долгом корневом морфе“ *влжәне* заменилось на *влжәне* (см. Зализняк 1985: 145, 335), для восстановления гомотонии с „дактилическим“ ударением в ирмосе в финальную позицию была перенесена форма *богомь*. Очевидна вторичность чтения *дхѡм* *вм*. *вогомь*, отмеченного в группе *НБКМ902*, хотя гимнографические параллели типа Σοφισθεῖς τῷ Πνεύματι τῷ θεῷ ἐκ παιδός – *Сумоудрьса* [вм. *Сумоудрьса*] *доухомь сватъимь нзмлада* (Stern 3: 518) подтверждают обоснованность такой лексической замены. Забавное переосмысление наблюдается в *Др*, где агенс при причастии устранен и действие приписано самому Кириллу: *сумждрьса самъ* ⁶⁰*влжәне*; путь к этому искажению демонстрируют списки *Ск* и *Р*, где

сокращенное написание формы вогомь превращено в первую часть сложного слова, *gesp.* вбблже[не] и вбблжєне, но местоимение самъ еще не добавлено.

Заключительные слова тропаря (ѡвнлѡса кєн фнлософъ) варьируются лишь в одном списке – *Гр*: ѡвнса ѡвбмѡдрєць. Поскольку, как говорилось выше, этому списку иногда приписывается особая близость к первоначальному тексту, исконность или неисконность чтения *Гр* требует специального анализа. Вопрос о том, какая временная форма – перфект или аорист – наличествовала в оригинале, может быть решен с точки зрения стихометрии, славяно-греческих параллелей и грамматической семантики. Ограничения, накладываемые на метрическую структуру последней строки однозначно реконструируемой формой *φιλόσοφος, заставили нас при восстановлении начальных слогов колона сделать выбор в пользу перфекта *ἀναδέδειξαι, а не других форм, которые могут переводиться претеритами 2-го лица ед.ч. глагола ѡвнтнса (например, ѡдеїχθης, ѡведєїχθης, ѡфθης, ѡφάνης – ИК: 874). Эта перфектная форма, в свою очередь, нередко передается в славянской гимнографии перфектом, ср.: прнвѣжнще сѡгрѣшающнмъ бже тѣ ѡвнлѡса кєн (Яг.: 81) – καταφύγιον... σὺ ἀναδέδειξαι (MR I: 389); особенно показателен следующий контекст, в котором изображается ситуация, близкая к исследуемому тропарю: Тѣ прѣне дшмъ врачъ ѡвнлѡса кєн • вжстѣночю възнсаєвъ ѡ младъ ногътѣ • премоудрость превлжєне (Яг.: 0216) – Σύ, ὅσιε, ψυχῶν ἰατρὸς ἀναδέδειξαι, τὴν ἔνθεον ἐξ ὀνύχων ἀπάλων ἐκζητήσας σοφίαν, παμμακάριστε (MR I: 285). В аспекте стихометрии шестисложная форма ѡвнлѡса кєн вкпе с фнлософъ позволяет соблюсти в колона число слогов (10), более близкое к ирмосу (9), нежели в строке с трехсложным аористом ѡвнса. Наконец, в семантическом плане перфект, означающий актуальный результат совершенного действия, также вполне уместен: Кирилл, умудренный Богом, стал Философом и, как святой, пребывает таковым в вечности. Таким образом, перфект ѡвнлѡса кєн в анализируемом контексте представляется первичным, а вариант 23 списков – отражением исконного состояния. Что же касается кальки ѡвбмѡдрєць, то на фоне, с одной стороны, регулярного соответствия φιλόσοφος / фнлософъ в ранних переводах (РГЦ: 479) и регулярного применения эпитета фнлософъ к Константину-Кириллу (SJS 4: 749), а с другой стороны – крайней редкости лексемы ѡвбмѡдрєць, вообще отсутствующей в древнейших славянских памятниках, эту лексическую замену, как и употребление аориста вместо перфекта, естественно признать еще одним проявлением творческой свободы, характерной для создателя „Добриановой“ версии кирилловского канона. Кроме того, не исключено, что вставка пятисложного эпитета ѡвбмѡдрєць на место четырехсложного фнлософъ преследовала своей целью подравнивание колона под силлабическую структуру, нарушенную после замены перфекта аористом. Симптоматично, что, введя аорист в эту синтагму, болгарский книжник оставил без исправления другой перфект – прнлѡл кєн, т.е. в очередной раз продемонстрировал непоследовательность в правке.

Наиболее серьезное различие между отдельными списками касается варьирования двух эквивалентов греч. σοφία: в причастном обороте прѣмѡдрость большинства списков соотносится с мѡдрость *Гр* (= *Др, Пал, Ц,*

НБКМ902 и др.), а в Т105 отсутствует; в предикативной части форме мудрость Ил (= Гр, Др, Пал, Ц; в Хл164 искажено: мудре) соответствует приставочное образование в Т104, В, Т98, Т105, Хл152, Пог, а в С, Ск, НБКМ895, Пан, Хл166, Р, НБКМ902 и др. второй „мудрости“ нет вообще. Все эти варианты сводятся, на наш взгляд, к первоначальному предложению с двумя одинаковыми формами, повторявшему греческий образец с двумя σοφίαν; из ложно-стилистических соображений одна из них могла либо вообще устраняться, либо заменяться бесприставочным/префиксальным коррелятом. Отсутствие единства между списками в распределении форм с приставкой и без приставки показывает, что стилистические искания писцов не были обусловлены семантически: поскольку и в предикате, и в причастном обороте „речь идет о сверхразуме, который или составляет одно из существенных свойств Бога, или же даруется Богом человеку“ (Верещагин 1997: 84–85), противопоставление мѣдростн и прѣмѣдростн было бы здесь неуместно. Вопрос состоит в том, какой перевод существительного σοφία фигурировал в оригинале – мѣдрость или прѣмѣдрость. Апелляция к спискам, в которых последовательно проведен тот или другой вариант, приводит к следующим результатам: прѣмѣдрость / прѣмѣдрость – Т104, В, Т98, Хл152, Пог; мѣдрость / мѣдрость – Гр, Др, Пал, Ц. Нетрудно убедиться, что префиксальные формы наблюдаются в более ранних списках, нежели бесприставочные; если прибавить еще пять списков XI – начала XIV вв. – Ил, где имеются оба образования (прѣмѣдрость / мудрость), и С, Ск, НБКМ895, Т105, где сохранилась только одна прѣмѣдрость, можно прийти к выводу, что ранняя рукописная традиция тропаря свидетельствует в пользу приставочной формы. Исходя из выдвинутого Е. М. Верещагиным (1997: 85) тезиса, согласно которому переводчики Евангелия „надежно закрепили слово прѣмѣдрость за Божественным разумом, а мѣдрость – за человеческим“, допустимо предположить, что в данном аспекте переводчик кирилловского канона следовал кирилло-мефодиевским образцам, тогда как некоторые переписчики XIII–XIV вв., судя по всему, утратили ощущение высокой семантической противопоставленности двух лексем.

Итак, в целом реконструкция оригинала и перевода третьего тропаря шестой песни видится нам следующим образом:

1	*Въз/ж/любль нзмлада прѣмѣдрость	10/10	*Φιλήσας ἐκ βρέφους τὴν σοφίαν,
2	истинныиѣкъ прѣмѣдрость	9/7	τὴν ἀληθῆ σοφίαν
3	сестрѣ себѣ приналъ кен	9/10	ἀδελφὴν σεαυτῷ ὑπεδέξω
4	и оумѣд/жд/рьса	5/4	καὶ σοφισθεῖς
5	богомъ блажене	6/7	τῷ Θεῷ, μακάριε,
6	явнлзса кен фнлософъ.	10/9–10	ἀναδέδειξαι φιλόσοφος.

– т.е. ‘Возлюбив измлада премудрость, ты взял себе в сестры истинную Премудрость и, умудрившись Богом, блаженный явился Философом’.

* * *

Проведенный в настоящей статье анализ шестой песни кирилловского канона позволяет заключить, что она, как и другие рассмотренные нами ранее песни, складывалась под пером греческого автора канона путем комбинирования тропарей, имеющих различное происхождение. Однако, создавая песнь, автор смог выполнить главное условие, налагавшееся на него избранным жанром, – соблюсти определенное содержательное и формальное единство песни и канона. С одной стороны, все обычные тропари песни (первые два – в большей степени, третий – в существенно меньшей) обнаруживают ассоциированность с жизнью прославляемого святого, причем в тексте прослеживается сквозная тема, уже затрагивавшаяся в двух предыдущих песнях, – „обожение“ человека, возможное в силу божественной благодати и в силу его собственной деятельности, направленной на подражание Христу. С другой стороны, формальная целостность песни и канона обеспечивается реализацией акростиha, из которого в шестой песни представлены буквы ΤΩΦΙ, образующие артикль и первый слог формы дательного падежа τῷ Φιλοσόφῳ. Стихотметрический анализ вновь приводит к выводу о том, что строгое следование одному-единственному метрическому и мелодическому образцу не было обязательным условием при составлении песни: для первых двух тропарей реконструируется изначальная отнесенность к ирмосу Θύσω σοι, а для третьего тропаря и богородична – к ирмосу Ἦλθον εἰς τὰ βάθη τῆς θαλάσσης. На славянской почве текст шестой песни канона вначале также сохранял сопряженность с разными ирмосами, но затем, уже на ранних стадиях бытования, посредством незначительных перестановок был приспособлен к схеме ирмоса Ἦλθον εἰς τὰ βάθη (Прдз въ глвнны).

ИСТОЧНИКИ И ИХ СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

а) Библиотеки и древлехранилища

- БАН Библиотека Академии наук, Отдел рукописной и редкой книги (Санкт-Петербург)
- ГИМ Государственный исторический музей, Отдел рукописей и старопечатных книг (Москва)
- НБКМ Народная библиотека им. Кирилла и Мефодия (София)
- РГАДА Российский государственный архив древних актов (Москва)
- РНБ Российская национальная библиотека, Отдел рукописей (Санкт-Петербург)
- ХИБ Хиландарская исследовательская библиотека Государственного университета штата Огайо (Колумбус, США)
- ЦИАИ Церковно-исторический и архивный институт при Болгарской патриархии (София)

б) Списки службы Кириллу Философу

- В Сохранившаяся в бумагах А. Х. Востокова копия службы в древнерусском списке XII в., по изд.: Срезневский, И. И. Служба св. Константину Философу по восьми древним спискам. – В: Срезневский, И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. I–XL (=Сб. ОРЯС. Т. 1). СПб., 1867, 67–78.
- Var Минея служебная, февраль (Варовитская рукопись), серб., 30-е гг. XVII в., ЦИАИ, № 89, л. 83r–89v.

- Гр* Минея праздничная (Григоровичева или Добрианова минея), ср.-болг., вт. пол. XIII в., БАН, 24.4.12, л. 1г–3в.
- Др* Драганова минея, ср.-болг., кон. XIII в., Афон, Зографский монастырь, № 54 (I. e. 9), по изд.: А л е к с а н д р о в, А. Служба святым славянским апостолам Кириллу и Мефодию в болгарском списке XIV века. – Русский филологический вестник, 1893, № 2, 199–203 (местонахождение листов с текстом служб Кириллу и Мефодию в настоящее время неизвестно).
- Ил* Минея праздничная (Ильина книга), др.-рус., XI/XII в., РГАДА, Тип. 131, л. 127v–132v.
- Л* Минея служебная, февраль–март, югозападнорус. (со следами ср.-болг. орфографии), сер. XVI в., Люблин, библиотека Высшей духовной семинарии, № 538, л. 40v–44v, по фотокопии.
- НБКМ140* Минея праздничная, серб., XV–XVI вв., НБКМ 140, л. 244г–246v.
- НБКМ141* Минея служебная, февраль, серб. (ресавская), 1608 г., НБКМ 141, л. 58г–63v.
- НБКМ895* Минея служебная, декабрь–февраль, серб., XIII/XIV в., НБКМ 895, л. 82а–в.
- НБКМ902* Минея служебная, февраль–март, ср.-болг., кон. XV в., НБКМ 902, л. 46г–50v, по фотокопии, любезно присланной из ХИБ.
- Пал* Минея служебная, февраль и август (Палаузовская минея), ср.-болг., перв. пол. (?) XIV в., БАН, 24.4.11, л. 3г–6г.
- Пан* Минея служебная, декабрь–февраль, серб., 1320–1330 гг., Афон, Пантелеймонов монастырь, Slav. 11, л. 217г–221v, по фотокопии, присланной из ХИБ.
- Пог* Сборник богослужебный, серб., тр. четв. XVII в., РНБ, Пог. 323, л. 282г–295v.
- Поч* Минея служебная, январь–февраль, югозападнорус., 1690 г., Киев, Центральная научная библиотека Национальной академии наук Украины, Поч. 22, л. 278v–283г, по фотокопии.
- Р* Минея праздничная, ср.-болг. с русизмами или вост.-слав. с болгаризированной орфографией, XV или XVI в., Библиотека Румынской академии (Бухарест), № 717, л. 85v–87г, по фотокопии.
- С* Минея служебная, февраль, др.-рус., XII в., ГИМ, Син. 164, л. 99г–v, 100v–110v.
- Ск* Минея праздничная, ср.-болг., XIII в., хранилась в болгарской митрополии г. Скопье (в настоящее время местонахождение неизвестно), по изд.: Р а д ч е н к о, К. Ф. Заметки о рукописях, хранящихся в болгарской митрополии г. Скопья, с приложением службы Константину Философу по среднеболгарскому списку XIII века. – Изв. ОРЯС, 12, 1907, № 3, 158–162.
- T98* Минея праздничная, декабрь–январь, др.-рус., XII–XIII вв., РГАДА, Тип. 98, л. 74v–77г.
- T104* Минея служебная, февраль, др.-рус., XII в., РГАДА, Тип. 104, л. 86v–94v.
- T105* Минея служебная, февраль, др.-рус., нач. XIV в., РГАДА, Тип. 105, л. 77г–85г.
- Хл152* Минея служебная, январь–март, ср.-болг., перв. пол. XIV в., ГИМ, Хлуд. 152, л. 145v–148v.
- Хл164* Минея праздничная, серб., 1371–1385 гг., ГИМ, Хлуд. 164, л. 131а–132г.
- Хл166* Минея праздничная, серб., перв. пол. XIV в., ГИМ, Хлуд. 166, л. 100г–102v.
- Ц* Минея праздничная, серб., перв. четв. XVI в., ЦИАИ, № 113, с. 230–236.
- Z* Минея служебная, февраль, ср.-болг., нач. XIV в., Афон, Великая Лавра, Z 53, л. 49v–53v, по фотокопии, присланной из ХИБ.

в) *Другие источники*

ГА И с т р и н, В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника

- Геоργия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. 1. Текст. Пг., 1920; Т. 3. Греческо-славянский и славяно-греческий словари. Л., 1930.
- ГБ XIII слов Григория Богослова, XI в., РНБ, Q.п.I. 16, по наборному тексту на сайте <<http://www.hf.ntnu.no/SofiaTrondheimCorpus>>.
- Даль Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1955.
- Двор. Древнегреческо-русский словарь. Сост. И. Х. Дворецкий. Т. 1–2. М., 1958.
- Евх Euchologium Sinaiticum. Starocerkvenoslovanski glagolski spomenik. Izd. prired. R. Nahtigal. Т. 2. Tekst s komentarjem. Ljubljana, 1942.
- ЖВИ Житие Варлаама и Иоасафа, XIV–XV вв., РНБ, Соф. 1365, л. 1в–135г (по фотокопии).
- ЖК Житие Константина Философа.
- Зогр Quattor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Ed. V. Jagič. Graz, 1954.
- Изб Изборник 1076 года. 2-е, перераб. и доп. изд. Изд. подгот. М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Голышенко. Т. 1–2. М., 2009.
- ИК Ильина книга: Рукопись РГАДА, Тип. 131. Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В. Б. Крысько. М., 2005.
- ИЭБЗ Des hl. Johannes von Damaskus Ἐκθροεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes. Hrsg. von L. Sadnik. Bd. 3 (=Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Т. 5). Freiburg i. Br., 1983.
- Клим. Свети Климент Охридски. Слова и служби. Съст. П. Петков, И. Христова-Шомова, А.-М. Тотоманова. С., 2008.
- КМ Среднеболгарский перевод „Хроники Константина Манассии“ в славянских литературах. Исследования И. С. Дуйчева и М. А. Салминой. Подгот. текстов М. А. Салминой. Словоуказатели О. В. Творогова. С., 1988.
- Книга Исайи Ветхий Завет. Перевод с древнееврейского. Книга Исайи. Пер. и комм. А. Э. Графова. Российское Библейское Общество, 2004.
- КУВ Кормчая Уваровская, сер. XIII в., ГИМ, Увар. 124–1°.
- Лавр. Лавров, П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.
- ЛЛ Лаврентьевская летопись. 2-е изд. (=Полное собрание русских летописей. Т. 1). М., 2001.
- ПА XI P o r o v s k i, J. The Pandects of Antiochus. Slavic text in transcription. – Полата кзынгопнсьнама, 23–24, 1989.
- Паракл 1369 Параклитик, 1369 г., ГИМ, Син. 837.
- ПарГр Р и б а р о в а, З., З. Х а у п т о в а. Григоровичев паримејник. 1. Текст со критички аппарат. Скопје, 1998.
- ПарФений П а р ф е н и й. Богослужевна послѣдованиа на все лѣто съ житиамн сватыхъ равноапостолныхъ седмочисленныхъ славяноболгарскихъ просвѣтителей. С., 1958.
- ПатР Патерик Римский. Диалоги Григория Великого в древнеславянском переводе. Изд. подгот. К. Дидди. М., 2001.
- ПатСк V e d e r, W. R. The Collation of the Witnesses to The Scete Patericon. – Полата кзынгопнсьнама, 36, 2006 <<https://kb.osu.edu/dspace/handle/1811/24008>>.
- ПБП Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 5. СПб., 1907.
- ПЛ Псковские летописи. Вып. 1. Пригот. к печ. А. Насонов. М.–Л., 1941.
- ПМ Щ ё г о л е в а, Л. И. Путятина Миней (XI век) в круге текстов и истолкования. 1–10 мая. М., 2001.
- Пр 1313 Пролог, сентябрь–март, 1313 г., ГИМ, Син. 239 (по фотокопии).
- Пр 1383 Пролог, март–август, 1383 г., РГАДА, Тип. 172 (по фотокопии).

- ПрЛ Пролог Лобковский, 1262 или 1282 г., ГИМ, Хлуд. 187 (по фотокопии).
- ПрС Пролог Софийский, сер. XIII в. (л. 161–234, 242–317), РНБ, Соф. 1324.
- ПсСин Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века. Пригот. к печ. С. Северьянов. Graz, 1954.
- ПсЧ Чудовская псалтырь, XI в., ГИМ, Чуд. 7, по наборному тексту на сайте <<http://manuscripts.ru>> [электронный набор рукописи осуществлен Д. С. Корниловой (Удмуртский университет), сверка с фотокопией оригинала осуществлена В. Желязковой (Софийский университет)].
- Пч. „Пчела“. Древнерусский перевод. Изд. подгот. А. А. Пичхадзе и И. И. Макеева. Т. 1. М., 2008.
- РГЦ Речник на грчко-црковнословенски лексички паралели. Ред. М. Аргировски, соработ. Н. Андријевска, А. Гуркова. Скопје, 2003.
- СДРЯ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–8–. М., 1988–2008–.
- Син165 Миняя служебная, апрель, XII в., ГИМ, Син. 165.
- СлРЯ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28–. М., 1975–2008–.
- Службы Слѣжбы прѣвнымъ оцѣмъ на́шымъ, равноапѣльнымъ Меѳѳѣдію ѿ Кѳріаллѣ, Оучѣтемъ Словѣнскымъ. СПб., 1885.
- Соф188 Миняя служебная, сентябрь–октябрь, XII в., РНБ, Соф. 188.
- Соф199 Миняя служебная, апрель, XII в., РНБ, Соф. 199, по наборному тексту на сайте <<http://manuscripts.ru>> [электронный набор рукописи, сверка с фотокопией оригинала, создание базы данных выполнены Е. В. Рябовой (Удмуртский университет)].
- Срезн. С р е з н е в с к и й, И. И. Словарь древнерусского языка. Репринт. изд. Т. 1–3. М., 1989.
- Супр Супрасьльски или Ретков сборник. Й. Заимов, М. Капалдо. Т. 1–2. С., 1982–1983.
- T92 Миняя служебная, ноябрь, XII в., РГАДА, Тип. 92.
- T100 Миняя праздничная, январь, XII в., XIV в., РГАДА, Тип. 100 (по фотокопии).
- T106 Миняя служебная, март, XIII в., РГАДА, Тип. 106.
- T110 Миняя служебная, апрель, XI–XII в., РГАДА, Тип. 110, по наборному тексту на сайте <<http://manuscripts.ru>> [электронный набор рукописи и сверка с фотокопией оригинала осуществляются Е. А. Корепановой (Удмуртский университет)].
- T125 Миняя служебная, август, XI–XII в., РГАДА, Тип. 125.
- Тр1 Библиейские книги (Пятикнижие Моисеево), нач. XV в., РГБ, Тр. 1 <<http://www.stsl.ru/manuscripts>> (также далее и все рукописи Троицкого собрания).
- Тр89 Книги 16 Пророков толковые, нач. XVI в., РГБ, Тр. 89.
- Тр492 Миняя служебная, ноябрь, 1469 г., РГБ, Тр. 492.
- Тр515 Миняя служебная, январь, XV в., РГБ, Тр. 515.
- Тр523 Миняя служебная, февраль, XV в., РГБ, Тр. 523.
- Тр533 Миняя служебная, март, XV в., РГБ, Тр. 533.
- Тр566 Миняя служебная, июнь, кон. XV в., РГБ, Тр. 566.
- Тр576 Миняя служебная, июль, XV в., РГБ, Тр. 576.
- ТУ Типографский устав. Устав с Кондакарем конца XI – начала XII века. Т. 2. Наборное воспроизведение рукописи. Подгот. текста, сост. словоуказателя и текстол. комментарий С. В. Петровой; Палеограф. комментарий В. С. Гольщенко. М., 2006.
- УСб Успенский сборник XII–XIII вв. Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.
- Шест A i t z e t m ü l l e r, R. Das Hexaameron des Exarchen Johannes. Bd. 3. Graz, 1961.

- Яг. Я г и ч, И. В. Службные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. СПб., 1886.
- АНГ *Analecta Hymnica Graeca e codicibus eruta Italiae inferioris*. Ed. J. Schirò. T. 1–13. Roma, 1966–1983.
- ЕЕ *Εἰρμολόγιον*. Ἐκδ. ὑπὸ Σ. Εὐστρατιάδου. Chennevières-sur-Marne, 1932.
- Gesenius *G e s e n i u s, W.* Hebräisches und Aramäisches Handwörterbuch. Bearb. v. F. Buhl. 17. Auflage. Unveränd. Neudruck. Berlin etc., 1962.
- Indexy *R i b a r o v a, Z.* Indexy k Staroslověnskému slovníku. Praha, 2003.
- Isaias *Septuaginta. Vetus Testamentum Graecum*. Vol. 14. Isaias. Ed. J. Ziegler. 3. Aufl. Göttingen, 1983.
- Lampe *L a m p e, G. W. H.* A patristic Greek lexicon. Oxford, 1961.
- LS *L i d d e l l, H. G., R. S c o t t.* A Greek-English lexicon. [1–2]. Oxford, 1968.
- MD *Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften der Rus' des 12. und 13. Jahrhunderts*. Hrsg. v. H. Rothe, E. M. Vereščagin. T. 1–5. Opladen–Wiesbaden, 1996–2006.
- MF *Gottesdienstmenäum für den Monat Februar auf der Grundlage der Handschrift Sin. 164 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM)*. Hrsg. v. H. Rothe. T. 1–3. Paderborn etc., 2003–2009.
- Mikl. *M i k l o s i c h, F.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.
- MR *Μηναιᾶ τοῦ ὄλου ἐνιαυτοῦ*. T. 1–6. Ἐν Ῥώμῃ, 1888–1902.
- NT *N e s t l e, E. et E., B. et K. A l a n d.* Novum Testamentum graece. 27. Aufl. Stuttgart, 2001.
- Pape *P a p e, W.* Griechisch-deutsches Handwörterbuch. T. 1–2. Braunschweig, 1914.
- PaR *Παρακλητικὴ ἤτοι Ὀκτώηχος ἡ μεγάλη*. Ἐν Ῥώμῃ, 1885.
- PG 87, 105 *M i g n e, J.-P.* Patrologiae cursus completus. Series graeca. T. 87, pt. 3. Paris, 1905; T. 105. Paris, 1862.
- SJS *Slovník jazyka staroslověnského*. 1–4. Praha, 1958–1997.
- Stern *S t e r n, D.* Incipitarium liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften des 11. bis 13. Jahrhunderts. T. 1–3. Paderborn, 2008.
- Sticherarium *Sticherarium Palaeoslavicum Petropolitanum: Codex Palaeoslavicus n° 34.7.6 Bibliothecae Academiae Scientiarum Rossicae phototypice depictus*. Ed. cur. N. Schidlovsky. Pars supplementaria. Hauniae, 2000.
- TLG *Thesaurus Linguae Graecae* <<http://stephanus.tlg.uci.edu>>.
- TR *Τριώδιον κατανυκτικόν, περιέχον ἅπασαν τὴν ἀνήκουσαν αὐτῷ ἀκολουθίαν τῆς ἀγίας καὶ μεγάλης Τεσσαρακοστῆς*. Ἐν Ῥώμῃ, 1879.
- TWAT *Theologisches Wörterbuch zum Alten Testament*. Hrsg. v. G. J. Botterweck, H. Ringgren. Bd. 1. Stuttgart etc., 1973.
- VT *Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes*. Ed. A. Rahlfs. Verkleinerte Ausg. in einem Band. Stuttgart, s. a.
- WD *Wörterbuch zum Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember slavisch – griechisch – deutsch nach ostslavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts mit einem Glossar griechisch – slavisch*. Bearb. v. D. Christians. Wiesbaden, 2001.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева 2007 *А л е к с е в а, Г. В.* Акцентология в византийской и русской певческих традициях как фактор национальной рефлексии. – В: *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit*. Paderborn etc., 2007, 187–202.
- Ангелов 1967 *А н г е л о в, Б. Ст.* Служба на Кирил Философ. – В: *Из старата българска, руска и сръбска литература*. Кн. 2. С., 1967, 3–16.

- Библия 1989 Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с приложениями. 4-е изд. Брюссель, 1989.
- БЭ Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Полутом 62. СПб., 1900.
- Вайан 1952 В а й а н, А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Ван-Вейк 1957 В а н - В е й к, Н. История старославянского языка. М., 1957.
- Васильев 1913 В а с и л ь е в, Л. Л. Два явления др. ц.-слав. памятников в освещении древнерусских текстов. 2. Древнецерковнославянское нзвъчѣ вместо нзвъльчѣ. – Русский филологический вестник, 70, 1913, 376–379.
- Верещагин 1997 В е р е щ а г и н, Е. М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997.
- Верещагин 2001 В е р е щ а г и н, Е. М. Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. М., 2001.
- Верещагин 2006 Древнейший славянский богослужебный сборник „Ильина книга“. Факсимильное воспроизведение рукописи. Билинейно-спатическое издание источника с филолого-богословским комментарием. Подгот. Е. М. Верещагин. М., 2006.
- Воронов 1877 В о р о н о в А. Д. Главнейшие источники для истории свв. Кирилла и Мефодия. Киев, 1877.
- Гавранек 1963 Г а в р а н е к, Б. Залог (genera verbi) в старославянском языке в сравнительном плане. – В: Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963, 15–100.
- Горский 1865 Г о р с к и й, А. В. О древних канонах святым Кириллу и Мефодию. – В: Кирилло-Мефодиевский сборник. М., 1865, 271–284.
- Григорович 1865 Г р и г о р о в и ч, В. И. Древнеславянский памятник, дополняющий житие славянских апостолов, святых Кирилла и Мефодия. – В: Кирилло-Мефодиевский сборник. М., 1865, 235–270.
- Дыбо 1981 Д ы б о, В. А. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.
- Дыбо 2000 Д ы б о, В. А. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Т. 1. М., 2000.
- Зализняк 1985 З а л и з н я к, А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зализняк 2008a З а л и з н я к, А. А. „Слово о полку Игореве“. Взгляд лингвиста. 3-е, доп. изд. М., 2008.
- Зализняк 2008б З а л и з н я к, А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Казанский 1865 К а з а н с к и й, П. С. Сравнительное достоинство списков службы св. Кириллу, просветителю славян, принадлежащего г. Григоровичу и московской Синодальной библиотеке. – В: Кирилло-Мефодиевский сборник. М., 1865, 297–308.
- Колесов 1972 К о л е с о в, В. В. История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л., 1972.
- Крысько 1995 К р ы с ь к о, В. Б. Залоговые отношения. – В: Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995, 465–506.
- Крысько 2005 К р ы с ь к о, В. Б. О греческих источниках и реконструкции первоначального текста древнейшей службы Кириллу Философу. – *Palaeobulgarica*, 29, 2005, № 4, 30–63.
- Крысько 2007a К р ы с ь к о, В. Б. Новые греческие источники канона Кириллу Философу. – *Palaeobulgarica*, 31, 2007, № 2, 21–48.
- Крысько 2007б К р ы с ь к о, В. Б. Post factum: новые греческие источники к текстам Ильиной книги. – В: Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 58. СПб., 2007, 127–134.

- Крысько 2008 К р ы с ь к о, В. Б. Ранние славянские гимнографические тексты: Источники и реконструкция (на материале канона Кириллу Философу). – Изв. РАН. Серия литературы и языка, 2008, № 3, 3–23.
- Крысько 2009а К р ы с ь к о, В. Б. К реконструкции древнейшего канона Кириллу Философу: песнь четвертая [1]. – Изв. РАН. Серия литературы и языка, 2009, № 1, 16–27.
- Крысько 2009б Крысько, В. Б. К реконструкции древнейшего канона Кириллу Философу: песнь четвертая [2]. – Изв. РАН. Серия литературы и языка, 2009, № 2, 3–21.
- Крысько 2009в К р ы с ь к о, В. Б. Об издании февральской минеи. – Russian Linguistics, 2009, № 1, 65–99.
- Крысько 2009г К р ы с ь к о, В. Б. Служба первоучителю Кириллу по Палаузовскому списку. – В: Text – Sprache – Grammatik. Slavisches Schrifttum der Vormoderne. Festschrift für Eckhard Weiher. München, Berlin, 2009, 95–123.
- Крысько 2010 К р ы с ь к о, В. Б. Древнеславянский канон первоучителю Кириллу: источники и реконструкция (Песнь пятая). – Die Welt der Slaven, 55, 2010, Н. 1, 117–147.
- Лавров 1904 Л а в р о в, П. А. Югославянская палеография. Курс, читанный в С.-Петербургском археологическом институте в 1903–1904 году. СПб., 1904.
- Лихачев 2001 Л и х а ч е в, Д. С., при участии А. А. Алексева и А. Г. Боброва. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. 3-е, перераб. и доп. изд. СПб., 2001.
- Основы 1990 Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- Райков 1969 Р а й к о в, Б. Два новооткрыти преписа от службата на Кирил Философ и няколко бележки върху нейния състав. – В: Константин-Кирил Философ. Юбилеен сборник по случай 1100-годишнината от смъртта му. С., 1969, 203–218.
- Райков 1993 Р а й к о в, Б. Старата славянска служба на Константин Философ-Кирил. – В: Славянска филология. Т. 21. С., 1993, 5–13.
- СК XI–XIII Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.
- СК XIV Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1. М., 2002.
- Сказания 1981 Сказания о начале славянской письменности. Вступ. ст., перевод и комм. Б. Н. Флори. М., 1981.
- Темчин 2007а Т е м ч и н, С. О греческом происхождении древнейшей службы Кириллу Философу. – В: Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Paderborn etc., 2007, 328–338.
- Темчин 2007б Т е м ч и н, С. О переводном характере древнейшей службы Кириллу Философу: ѝако нзвѣрѣна стрѣла еммена въ тоуль. – В: Дагъ slovesny. Festschrift für Christoph Koch zum 65. Geburtstag. München, 2007, 289–295.
- Теодоров-Балан 1934 Т е о д о р о в - Б а л а н, А. Кирил и Методи. Т. 2. С., 1934.
- Турилов 2009 Т у р и л о в, А. А. Старые заблуждения и новые „блохи“. – Вестник церковной истории, 2009, № 1–2, 321–361.
- Федер 2005 Ф е д е р, У. Р. Хиляда години като един ден. Животът на текстове в православното славянство. С., 2005.
- Blass, Debrunner 1949 B l a s s, F. Grammatik des neutestamentlichen Griechisch. Bearb. von A. Debrunner. 8. Aufl. Göttingen, 1949.
- Diels 1932 D i e l s, P. Altkirchenslavische Grammatik. 1. Teil. Heidelberg, 1932.
- Havránek 1928 H a v r á n e k, B. Genera verbi v slovanských jazycích. 1. Praha, 1928.
- Schulze 1966 S c h u l z e, W. Kleine Schriften. Göttingen, 1966.

- Trypanis 1968 T r y p a n i s, C. A. Fourteen early Byzantine cantica. Wien, 1968.
 Vavřínek 1962 V a v ř i n e k, V. Staroslověnské životy Konstantina a Metoděje a pa-
 negyriky Řehoře z Nazianzu. – Listy filologické, 85, 1962, № 1, 96–122.
 Večerka 1993 V e č e r k a, R. Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. 2. Die
 innere Satzstruktur. Freiburg i. Br., 1993.
 Večerka 1996 V e č e r k a, R. Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. 3. Die
 Satztypen. Der einfache Satz. Freiburg i. Br., 1996.

THE OLD CHURCH SLAVONIC CANON TO CYRIL, THE FIRST TEACHER: ITS SOURCES
 AND RECONSTRUCTION (SIXTH ODE)

(Summary)

On the basis of a collation of the verified text of all the 25 copies of the Old Church Slavonic canon in honour of Cyril the Philosopher the article provides a critical edition and a study of the four troparia that constitute the sixth ode of the canon (at the same time fixing all significant variant readings), reconstructs their original text and provides a linguistically substantiated translation of the troparia into Modern Russian. The study of the hymns devoted to Cyril on the background of Byzantine hymnography corroborates the supposition voiced earlier to the effect that the canon is a translation from a Greek original that has not come down to us. This hypothetical original is reconstructed for every troparion. The original stichometric appearance of the troparia that are discussed is established by means of comparing the stichometric structure of the canon with the Greek models on the basis of isosyllabism. The comparative linguistic and stichometric analysis of the conflicting data from all copies and Greek sources makes it possible to elucidate a number of “obscure places” in the text of the sixth ode: thus for жнєꙗꙑнꙗꙕꙗ, which is the reading of most copies, жнєꙗꙑнꙗꙕꙗ life-giving’ can be reconstructed, instead of нмєна and other corrupted readings it is the vocative нмєнєнє glorious’. There is additional evidence for the fact that the canon in honour of Cyril is the work of a Greek author that combined troparia of different origin. However, in creating the sixth ode the author has been able to meet the main criterion imposed by the chosen genre – to retain the unity of the ode and the canon as far as content and form are concerned. On the one hand, all the usual troparia of the ode (the first two to a larger and the third to a considerably lesser extent) show a link with the life of the saint and in this case the text reveals an intermediate theme, which is already manifest in the two preceding odes, viz. the thesis of man, which is possible due to God’s grace and man’s own activity aimed at imitating Christ. On the other hand, the unity of form in the ode and the canon is provided by the acrostic of which the sixth ode shows the letters ΤΩΦΙ, which correspond to the article and the first syllable for the dative form τῷ Φιλοσόφῳ. The stichometric analysis allows for the conclusion that the strict adherence to one single metric and melodic model was not an obligatory condition for the composition of an ode: for the initial two troparia an original similarity to the heirmos Θύσω σοι can be reconstructed; for the third troparion and the theotokion it is the heirmos Ἦλθον εἰς τὰ βάθη τῆς θαλάσσης. In the Slavonic tradition the text of the sixth ode originally retained its link with the different heirmoi, but later (already during the time of the early stages of existence) the text was adapted (by means of insignificant changes) to the scheme of the heirmos Ἦλθον εἰς τὰ βάθη (Πρηνδз вз глꙗбннзи).

*Vadim Krysko,
 Institute for Russian Language of the Russian Academy of Sciences*